

МАКСИМ
КАЛАШНИКОВ

МЕЧ
ИМПЕРИИ

ХРОНИКИ

НЕ
ВОЗМОЖНОГО

ФАКТОР «Х» ДЛЯ РУССКОГО
ПРОРЫВА В БУДУЩЕЕ

Меч империи

Максим Калашников

**Хроники невозможного.
Фактор «Х» для русского
прорыва в будущее**

«Алисторус»

2013

Калашников М.

Хроники невозможного. Фактор «Х» для русского прорыва в будущее / М. Калашников — «Алисторус», 2013 — (Меч империи)

Современный мир вроде бы помешан на инновациях, все произносят заклинания о невиданных темпах научно-технического прогресса. Но на самом деле все обстоит иначе: в отличие от первой половины XX века, сегодня в мире нарастает сопротивление смелым, принципиально новым изобретениям и научным открытиям. Наступает новая эпоха мракобесия, рождается новая инквизиция. «Инновации» сводятся к бесконечному использованию старого запаса знаний, накопленных десятки лет назад. Но возможен ли гамма-лазер? Или получение воды с фантастической биоактивностью? Для русских, обреченных на упадок и биологическое вырождение после чудовищных жертв и потерь последнего столетия, рывок в новые – Шестую и Седьмую – технологические эры становится условием национального выживания. Однако готовы ли нынешнее государство, «элита», Академия наук и даже сама почтенная публика к такому рывку? Исследуя проблему, мы путешествуем в разных эпохах. Переносимся из дней нынешних в бурные дни XX века и в возможное будущее. Сталкиваемся с новыми инквизиторами и загадочными изобретениями. Почему великие инноваторы всегда сталкивались с попытками уничтожить их изобретения и открытия? Почему «признанные специалисты» и маститые «эксперты», как правило, оказываются ослами? И как вообще снять сопротивление нужным нам прорывам в науке и технике? «Анэнербе-2.0» вместо Сколково.

© Калашников М., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

Часть первая. Взрослые мальчишки, что покорят будущее	7
Предисловие от футуролога	7
Предисловие от националиста	11
Предисловие от писателя	12
Триумф и трагедия Петра Капицы (Прелюдия)	17
Предтеча	17
Прекрасное начало	18
Ошибка Берии	21
Атомный проект: не самая славная страница истории	22
Академии наук	
Если бы Сталин доверился академикам...	23
Глава 1. От подвальной лаборатории до ключа к гамма-лазеру	28
Поиски «философского камня» на руинах	28
Вызов и ответ	29
Крах «треста»	32
Воронья слободка	33
О пустоцветах и трутнях	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Максим Калашников
Хроники невозможного. Фактор «Х»
для русского прорыва в будущее

© Калашников М., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Часть первая. Взрослые мальчишки, что покорят будущее

*В НАШИХ УСТАХ – КРИКИ «ВПЕРЕД!»,
В НАШИХ ГЛАЗАХ – ОКРИКИ «СТОЙ!»*

Предисловие от футуролога

Зачем я летом 2013 года заканчиваю эту книгу?

Мы, люди, обречены на то, чтобы жить от одного исторического шторма до другого. Таков наш рок. Впереди уже виднеется стена следующей бури, стена мрака. Чьи обломки выбросят на скалистые берега его грозные валы? Кому суждено пойти ко дну? Кто сможет повести свои корабли дальше? Этого знать нам еще не дано. Одно можно сказать определенно и без колебаний: останутся в живых лишь те храбрецы и умники, которые не ведают страха перед творчеством. Только те, кто способен изобретать новое и делать это новое первыми в мире, не оглядываясь на других и не пытаясь кого-то скопировать. Они смогут спастись и подняться. Прочие же – обречены.

Способны ли сегодняшние русские на смелое творчество, причем на очень важном фронте – научно-технологическом? Не падем ли мы жертвой собственных глупости, корысти, безволия? Готовы ли к этому наша власть, Большая наука, даже миллионы простых людей? Вот в чем вопрос. От ответа на него во многом зависят наши жизни, ибо шторм близок.

Огромные потрясения земшарного размаха сопровождают нашу историю. Не нужно заглядывать в прошлое слишком глубоко, чтобы сие понять. Глобальная буря, планетарная смута, начавшаяся в 1914 году, свирепствовала тридцать с лишним лет. Она буквально смела прежний мир. Принесла нам моря крови, пожарища и руины. В этой глобальной буре разразились две мировые войны, кровавейшие революции и распады империй, непревзойденный (пока еще) социально-экономический кризис – Великая депрессия. Мир увидел лагерь смерти, геноцид, явление архаики во всеоружии последних достижений техники, человеконенавистничество.

Отбушевав, оный тайфун на какое-то время принес относительно спокойный мир холодной войны. Относительно спокойный, потому что на периферии мировых держав шли войны и лилась кровь. Но уже в 1970-е годы поднимается ветер новой бури, которая за двадцать лет успела привести к крупнейшей геополитической катастрофе XX столетия: гибели Советского Союза. К уничтожению более 20 миллионов человек на его обломках (13 млн. – РФ, 6–7 млн. – Украина и т. д.) В этой же буре с 1980 года оказался запущен долгий процесс самоуничтожения капитализма, который привел к страшным бедствиям. К кризису самого вида «человек разумный», к одичанию и оглуплению огромных масс людей-потребителей, к угасанию научного знания и натиску мракобесия, к убийственному торжеству финансового капитала над жизнью, к угасанию белой расы и к новому великому переселению народов. Мир уверенным шагом двинулся к экологической катастрофе.

«Длинный» XXI век начался не 1 января 2001 года, а 26 декабря 1991-го – с расчленением СССР. Появившись на свет божий в катастрофе, он сам будет долгой катастрофой. Даже не надейтесь ее избежать.

Еще не сам шторм во всю силу, но сильный шквал налетел на человечество в 1999–2001 годах. Он принес с собой последние имперские войны Америки (последние войны США в их привычном виде), которые нынче бесславно закончились, унеся бездарно триллионы долларов и подорвав звездно-полосатых экономически. Он принес с собой достижение капитализмом пределов обитаемого мира и чудовищный рост государственных долгов, что запустило процесс его разрушения.

А потом грянул тайфун. Его первый удар в 2007–2010 годах положил весь мир на борт. С бурей пришли крах финансового капитала, нарушение всеми и вся святых норм капитализма, депрессия, почти тотальная психокатастрофа, бешеная работа печатного денежного станка и ощущение бессилия. Ощущение того, что впереди – следующий удар исторической стихии.

Сейчас, когда я летом 2013-го пишу это предисловие к завершенной книге, РФ балансирует на грани революции и возможной гражданской войны. В свою смуту вливается Украина. Огромный Египет – на пороге жестокой междоусобицы, экономического краха и голода. В Ливии – смута, единой власти, по сути, нет. Сирия, еще совсем недавно – аккуратная страна-игрушка, заливается потоками крови гражданской войны. Вызревают очаги войны в Средней Азии, Турция – на краю войны между вестернизированными горожанами и мусульманской глубиной. В Европе гадают: как долго сможет сохранить свое единство Испания, не распадется ли Великобритания? Италия и Франция потихоньку соскальзывают к банкротству. Китай, сталкиваясь с пределами экономического роста и огромным возмущением бедных масс, покатился к своему варианту очередной «крестьянской войны», чреватой распадом державы. Даже Америка колеблется между внутренней смутой и установлением нового диктаторского режима. Но это – сейчас, а что будет дальше? Глобальный смутокризис, если выражаться языком уважаемого Андрея Фурсова.

Будь я разведчиком, что, экономя слова, составляет шифрованную депешу в далекий Центр, то сообщил бы: мы идем к Разделенному миру. Он распадется на крупные блоки-империи, хозяева США явно ведут дело к реиндустриализации своей страны, к объявлению ею дефолта по госдолгу и к созданию Североамериканской Империи с населением под полмиллиарда душ. Судя по всему, с установлением строя новых рабовладения и кастовости, с созданием правящей расы долгожителей. Придет эра «постдемократии» – с окончательным упразднением социального государства и с властью верхушки корпоратократии. Править там будут немногие.

Долго ли анклавы «правящей расы» долгожителей смогут удержать высокий уровень технологий? Это вряд ли. Но на наш век хватит.

На все это наслоятся острейший экологический кризис. Кризис истощения биосферы планеты, кризис нехватки воды и перенаселения.

* * *

Старая поговорка гласит: «Если все говорят о мире – значит, дело идет к войне». Если сегодня звучат охи и ахи по поводу сумасшедшего и невиданного ускорения научно-технического прогресса и о фейерверке инноваций, то означает оное лишь одно: нет никакого прогресса. Мир социальных сетей, гламурных манекенщиц, крутых финансистов, Интернета и Си-Эн-Эн на деле оказался трясинной, топью. И если смотреть на вещи непредвзято, то видно, что в реальности наступает мрак. И те, кто может действительно преобразовать мир, подарив ему самые эпохальные изобретения и открытия, сегодня втаптываются в грязь, шельмуются и буквально распинаются. Интернет на деле оказывается не мощным средством развития, а засильем серости, орудием принуждения к «Будь, как остальное стадо!». Паутина, как оказалось, может убивать инновации.

И это в то время, когда человечество отчаянно нуждается в новых прорывах. В новых Прометейх. В гениях, равных по значению и размаху Ньютону, Тесле, Фарадею, Максвеллу.

Нынешняя реальность, произнося мантры о безудержном развитии, на самом деле страдает страхом перед будущим и ненавистью к гениям. Вот что нам, русским, нужно преодолеть первыми в мире.

Давайте вдумаемся: мир, в котором мы живем, создан, по сути, немногими гениями – великими учеными и изобретателями. Есть в нем ключевые технологии, создающие нашу реальность. Например, двигатель внутреннего сгорания, который изобрели и усовершенствовали Филипп Лебон, Зигфрид Маркус, Жан Этьен Ленуар, Август Отто и Готтлиб Даймлер. Или дизель – детище Рудольфа Дизеля. Или вот азотные удобрения и технология производства азота из воздуха, уничтожившая зависимость человечества от залежей селитры – это Фриц Габер. Без чего еще не может существовать наша реальность? Без систем производства и передачи переменного тока. А это – Тесла, Стэнли, Доливо-Добровольский и другие. Наш мир – это телефон и радио (Белл, Попов, Маркони), это телевидение (Зворыкин, Розинг и другие). Наш мир – это массовый автомобиль (Карл Бенц, Генри Форд). Электроинструменты – Карл Бош. Массовое производство стали – Генри Бессемер. Самолет – братья Райт и Можайский. Электросварка – Георгий Бенардос.

Однако, как считает глава Института мировых идей Александр Чикунов, мы чувствуем себя не так уж плохо, поскольку по инерции продолжаем пользоваться плодами тех технологий, которые дали толчок к прогрессу в конце XIX – начале XX века. Но оные базовые технологии, разработанные примерно 50 инноваторами, среди которых Эдисон, Дизель, Бенц, Тесла, Габер и Бош, дали нам золотой двадцатый век.

Однако за сто лет эти технологии исчерпали себя. И они не выдержат девяти миллиардов человек, кои составят население планеты уже в обозримом грядущем. В мире, считает Чикунов, уже почти не осталось земель, которые можно было бы засеять, а существующие продолжают деградировать. Урожайность с нынешними технологиями уже не может демонстрировать впечатляющий рост. А по некоторым оценкам, на нынешних землях необходимо будет произвести почти в два раза больше продовольствия, чем сейчас. За последние 50 лет поголовье крупного рогатого скота и свиней увеличилось в среднем в два с половиной раза. Как утверждают ученые, сельское хозяйство, в том числе благодаря животноводству, стало причиной выброса метана, влияние которого на глобальное потепление на порядок больше, чем влияние углекислого газа. Большую проблему представляет самый востребованный человечеством ресурс – вода. По оценкам ООН, в 2005 году дефицит воды испытывали 17 стран, еще у 15 были трудности с водоснабжением. К 2025 году дефицит может наблюдаться уже в 30 странах, а трудности – еще в двадцати.

Земля уже кричит от чудовищной экологической нагрузки, которая порождена сверхпотреблением всего одного, «золотого» миллиарда населения планеты. Но вскоре, в силу перенесения индустрии в Азию, возникнет еще один «золотой миллиард» потребителей – в Китае, Индии, странах Тихого океана, в Латинской Америке. А это – новое, чудовищное увеличение нагрузки на Землю. Новые миллионные стада автомобилей, новые потребности в сотнях миллионов тонн нефти, в морях пресной воды, в горах продовольствия, для производства коего тоже нужны огромные объемы горючего, пресной воды, химии, техники. А это – действительно призрак глобальной ресурсно-экологической катастрофы, призрак мировой войны за ресурсы, которых перестанет хватать даже теоретически!

Давно подсчитано, что американец, рожденный в 1990 году, произведет за время своей жизни одну тысячу тонн атмосферных отходов, 10 тысяч тонн жидких отходов, одну тысячу тонн отходов в твердом виде. Чтобы иметь среднеамериканский образ жизни (по состоянию на 1990-е) он должен потребить 700 тонн разных минералов, извлеченных из недр Земли, эквивалент 4000 баррелей нефти (или 24 млрд британских тепловых единиц), 25 тонн растительной пищи и 28 тонн животных продуктов, что равносильно забою 2 тысяч голов скота. Для справки: чтобы получить один килограмм мяса, нужно потратить – даже в самом лучшем слу-

чае – 7–8 кило зерна. А для его производства тоже нужны и нефть, и пресная вода, и пахотная земля. Которой, кстати, в мире не хватает.

А теперь представьте себе, что вот таких потребителей на планете окажется не миллиард, а два. Вы видите ожесточенные войны среди груд мусора и отходов? Толпы голодающих, похожие на скелеты, обтянутые сморщенной кожей? Мертвые моря, лишённые всякой живности, прибрежные рифы, превращённые в мертвые остатки ордами отдыхающих и местными рыбаками? Леса, сведённые во имя увеличения пахотных земель – и пересохшие после этого реки? Сотни миллионов вырезаемых от мала до велика просто для того, чтобы избавиться от лишних ртов в слишком тесном и жарком мире? Войны между остатками русского населения и напирющими пришельцами с юга – за города, за земли, воды и леса? Ожесточённые схватки за оставшиеся нефтепромыслы?

В завтрашнем мире, накрытом пеленой темной бури, слабые и неразвитые обречены на захват и освоение сильными. Остатки России будут в числе объектов захвата. Как отсталые земли под управлением бездарных правителей-воров, населённые вымирающим народом и богатые разнообразным природными ресурсами.

Поэтому ради национального выживания нам потребен рывок в развитии. Без науки и техники он невозможен. Причем без совершенно новых науки и техники, разрази меня гром!

Но готовы ли нынешние русские совершить скачок в науке и технике?

Я попробовал ответить на этот вопрос в этой книге.

Предисловие от националиста

Все вокруг говорит о том, что русские могут сохраниться и восстать из праха, как великий народ, только совершив исторический рывок вперед. Только снова сделав Знание величайшей производительной силой, только обретя подлинное могущество. В противном случае – неминуемая кончина. Гибель под тяжестью треклятых проблем: демографического угасания, пассионарного истощения, разрушения инфраструктуры и нарастающего научно-технического отставания от мировых лидеров.

К 2020 году нам придется очень плохо. Молодых и трудоспособных людей в возрасте 15–34 лет останется вдвое меньше, чем в 1989-м. Если считать русских и иных коренных народов РФ – то не более семнадцати миллионов. Молодых мигрантов из бывшей советской Азии и более далеких мест не считаю. Пенсионеров-стариков в населении окажется процентов сорок. Трудовых ресурсов станет на 10 миллионов меньше, чем нынче. Даже женщин, способных к рождению детей, у русских к тому времени окажется на 4 миллиона меньше, чем в 2009-м. Людей, ресурсов и денег будет отчаянно не хватать. Если нам и суждено выжить, то только с помощью самых фантастических технологий и самых безумных изобретений.

Если же разобраться, то тот же самый выбор стоит и перед всем белым человечеством. Вроде бы это признается большинством. И нечто подобное произносится с высоких трибун. Но только при этом делается все, чтобы сделать такой рывок невозможным. Казалось бы, нельзя возглашать: «Полный вперед!», но при этом жать на педаль тормоза. Но это и происходит сейчас.

Нам говорят о свободе мысли и творчества, о свободе поиска – но при этом создают, по сути, новую инквизицию и делают все, чтобы искоренить свободомыслие и защитить замшелые, мертвые догмы. Чтобы вообще искоренить породу людей, способных мыслить самостоятельно. А то и мыслить вообще. Черт возьми, поступать так – верный путь к тому, чтобы сломать движущую «машину» и свалиться под откос Истории!

Сегодня русское движение должно скреститься с инноватикой – и победить силы ретроградства. Чтобы выжить, надо построить совершенно новую цивилизацию, новую жизнь. Причем самим: потому что ни у кого этого не слямзить, не скопировать. Но готовы ли к этому умы русских? Для этого и написана книга, лежащая перед вами...

Предисловие от писателя

Накинув на плечи кожаный плащ, я вышел под холодный дождь. На дворе стояла поздняя московская осень – самый конец октября 2013 года. Посмеиваясь про себя, автор этих строк тогда шагал к «Националю». Зачем? Чтобы встретиться с тем, кого считают величайшим мошенником и шарлатаном наших дней. С тем, кто отсидел срок еще в СССР, будучи обвиненным по семнадцати статьям Уголовного кодекса. Буквально – с Сатаной во плоти. С Виктором Петриком. Тогда я еще ведать не ведал о том, что моя работа получит новое дыхание.

Случайности – всего лишь непознанные необходимости. Мне давно известно, что они никоим образом не случайны. Если ты чем-то занимаешься, если горишь каким-то делом, то судьба непременно сделает так, что на пути твоём окажется нечто или некто, очень нужные для того, чтобы двигаться дальше. То, что поможет тебе, даст нужный импульс, откроет новые горизонты. О чем мне думалось тогда, под шипящими струями дождя? О будущем. К тому времени я всю работу над «Хрониками невозможного».

Почему я поместил под заглавием строчки из знаменитой песни Виктора Цоя? Потому, что мы попали в реальность, где нарастает ужасающее противоречие. Меня, всю жизнь свою посвятившего поиску путей в солнечное Будущее, оно не дает покоя ни днем, ни ночью.

Какое?

Временами же творящееся не только у нас, но и во всем мире вызывает в моей памяти роман «Плавучий остров» Жюль Верна. Там, где гигантский корабль погибает, ибо разрывается на части из-за того, что его машины, повинувшись командам расколотой верхушки, начинают работать враздрай. Одни – на «полный вперед», другие – на реверс. Оттого корпус плавучего острова разламывается.

Современный мир все больше походит на ту вернианскую антиутопию.

Шагая по мокрой осенней Москве, я думал: а готовы ли нынешнее государство и официальная наука к тому, чтобы признать то, что считается невозможным? В силах ли они просто увидеть новые открытия и потрясающие изобретения? Ведь иначе немислимо создавать новую цивилизацию. Ибо все, чем мы сегодня пользуемся, когда-то считалось небывальщиной и безумствами несерьезных фантазеров. Телефон, радио, самолеты, ядерная энергия, полеты в космос – все это давным-давно тоже называлось безнадежной фантастикой. Нет ничего страшнее глядящих, но не видящих. Страшнее тех, кто буквально слепнет из-за своих предубеждений и затвердевших догм.

Ощущение национального бессилия, всеобщего умопомрачения, парализующего комплекса русской неполноценности не оставляло меня. Мне, когнитарию-когу, грядущее всегда представлялось как дельта реки с множеством ветвящихся рукавов. И как же нас угораздило заплыть в тот из них, что упирается в плавни, поросшие камышом и осокой, в гнилую заводь! Я шел – и рядом шуршали в лужах и потоках воды шины проезжающих автомобилей. Сплошь иностранных. В такие моменты Москву ненавидишь особенно сильно. Она предстает перед тобою как столица страны, понесшей позорное поражение – и ныне обращенной в гнездо мазохистского неверия в собственные силы. В гнездо пустого гламура, бессмысленного копирования вчерашнего дня, никчемных людишек и бездумного пира потребителей на обломках великой мечты.

Шагая к «Националю», что я тогда знал о Викторе Ивановиче? Только то, что он – расчетливый обманщик и прощелыга. Он, вознамерившийся за пятнадцать триллионов рублей (целый годовой бюджет РФ!) из кармана государства везд понаставить свои скверные, неработающие водяные фильтры, представлялся Максиму Калашникову неким заезжим чудищем из странствующего зверинца. Просмотрев пару десятков гневных статей в Интернете и убийственные отклики академиков из Комиссии по лженауке, я знал, что этот махинатор пытался обма-

ном, привлекая уже бывшего партбосса «Единой России» Грызлова, обмишулить всю Российскую Федерацию в рамках партийной программы «Чистая вода». Отчего и грохнул страшный скандал, прозванный «Петрикгейтом». Скандал, который давно затмил скандал с Ходорковским. Скандал, положивший начало крушению сложившейся к концу 2009 года политической системы РФ.

Хор голосов на все лады, временами шипя от ненависти, говорил мне о том, что этот шарлатан, одержимый манией величия, пытался очищать воду от радиации, прогоняя ее через свои скверные фильтры – и из этого ничего не получилось. Что Петрик обокрал советских оптиков в лихие 90-е и теперь обманом выдает свои искусственные камни за собственные разработки. Что он силится представить обычный уголь из шашлычного мангала за графены. Что он делает вечные двигатели из пирамид и несет антинаучную чушь. Что никакой науки в его «разработках» нет и близко.

Но первая же наша встреча сдула все эти нагромождения начисто, как ураганный ветер сметает кучи мусора. Когда я увидел первое чудо: состав, ярко светящийся в инфракрасных лучах. Когда я просто спокойно сел и поговорил с тем, кого отныне называю Мастером. Ибо увидел я не что иное, как яркую иллюстрацию к «Хроникам невозможного», как живой пример не из прошлого, уже подернутого дымкой времени, а из сегодняшней жизни. Случай, в котором сходится все: и алчность, и глупость, и зависть, и ограниченность нынешней жизни.

Ну, а потом я поехал во Всеволожск, чтобы собственными глазами увидеть то, что было сделано. Знаете, читатель, мне не пришлось жалеть об этом. Потому что увиденное меня захватило. И многому научило.

Знаешь, читатель, проработав в журналистике более четверти века, я хорошо знаю: нынешний мир лжив до крайности. Он соткан из лжи, он – всего лишь большой спектакль, где на тебя обрушивают потоки иллюзий и обмана. Нынешние СМИ могут мегатоннами вываливать на тебя ложь, с цифрами и экспертами, вбивая вранье в миллионы умов и делая фальшивое – истинным. В нынешнем мире не должно быть никакой веры массмедиа. Все нужно проверять практикой и личными расследованиями. Мне нынешние СМИ представляются прожекторами, из коих бьют снопы не света, а тьмы. Медиа давно превратились в мракобесие под видом невиданного прогресса, в ярых врагов развития. Они отвлекают внимание масс двуногих с главного на третьестепенное, преподносят пустячное как судьбоносное и способны погубить любого. И если вы видите, читатель, как эта антицивилизация медиа кого-то остервенело атакует, то это, как правило, признак того, что человек делает дело. Что он перешел дорогу мракобесам и тем, кто погружает наш мир в пучину нового средневековья. А значит, к уничтожаемому стоит как минимум приглядеться повнимательнее.

Да, читатель, сегодня нам нужны самые смелые, самые безумные прорывы. В науке и технике. Что-то вроде обретения способности Христа пятью хлебами десять тысяч страждущих накормить. Чистая и здоровая вода, причем в изобилии. Океан доступной и чистой энергии. Хорошая еда, от которой не болеешь и не жиреешь. Доступное и просторное жилище. Здоровье и сила. Свободное и дешевое передвижение с приличной скоростью и на большое расстояние. Жизнь в чистом, не отравленном мире с прекрасной природой. Счастье. Возможность найти себе того самого спутника жизни, который станет поистине твоей половиной – и счастливо прожить с ним жизнь, оставив после себя красивых, умных и здоровых детей. Наконец, это – бодрое долголетие, а потом – и бессмертие. И, конечно, космическая экспансия. Так, чтобы к звездам ушла раса вечно живущих.

И все это, вместе взятое, должно быть как можно более щадящим природу, с минимумом затрат энергии и ресурсов, с наименьшим расходом человеческого труда.

Но чтобы попасть в такой мир, нужна не только социальная революция, не одно лишь установление строя, более совершенного, чем капитализм, впавший в слабоумие и уродство. Нужны еще и Прометеи – создатели необычных технологий и впечатляющих инноваций.

А вот именно их и норовят сегодня давить и уничтожать.

В сегодняшнем лживом мире процветает то, что называется «недобросовестной научно-технической конкуренцией». Проще говоря, уничтожение самими грязными способами всего, что неуютно сложившимся монополиям – что в бизнесе, что в науке. В этом мире полно злобных ученых мужей, готовых заживо закопать то, что противоречит их представлениям, пусть даже это новое успешно действует.

Что поделат? Наступило настоящее новое Средневековье. Более того, в нашей реальности увеличивается доля новой черни – ничего не читающих, тупых, немслящих существ. Легионы тех, кто угрожает утянуть нас в темные глубины нового средневековья. В слепые, глухие, кровавые века деградации и упадка. Мир, в котором мы живем, давно идет к черту. Те признаки пришествия Темных веков, о коих автор сих строк так долго говорил минувших книгах, уже не на горизонте. Они – в нашей жизни.

Двадцать процентов старших школьников в Росфедерации, которые страдают функциональной неграмотностью и не умеют читать. А значит – и мыслить. Национальные государства, что трещат по всем швам, Британия – на пороге распада, Испания – тоже. Ломается национальная идентичность, люди снова, как и в Средние века, готовы разделиться на шотландцев, каталонцев, саксов, валлийцев. Боюсь, как бы дело не дошло и до распада русской идентичности. Мир напоминает коллективного сумасброда, одержимого маниакально-депрессивным синдромом. Глобальный кризис никуда не уходит, уже начались первые конфискации средств с банковских счетов. На планете все сильнее пахнет войнами и революциями. Разворачивается глобальный смуткризис.

Все время нам повторяют: «Нужна новая модель развития!» «Нам надо строить новую цивилизацию!» Слово «инновации» стало буквально заклинанием.

Кто ж спорит с тем, что нужно идти в новый мир, если старый мир превращается в чертовски опасное место, соскальзывающее в безумие и деградацию? Но готовы ли мы строить этот самый новый мир? Ведь тут нужны усилия гениев. Ибо они нужны для титанических прорывов. Так было всегда – так будет и впредь. Все великие свершения в науке, технике, политике, социальном устройстве – все они порождаются могучими умами немногих.

Но готов ли нынешний мир принять новых гениев? Принять – а не распинать и не уничтожать их?

Упреждаю хор возмущенных криков и оскорблений. Легко восхищаться уже умершими и давно признанными гигантами мысли: Ньютоном, Теслой, Лобачевским, Галилеем, Менделеевым или Циолковским. Они уже – в бронзе и камне. А готовы ли вы распознать еще не признанных гениев, что живут среди нас? Готовы ли вы принять новую научную парадигму? Готовы ли вы принять тех, кто может посмотреть на мир иным взглядом и увидеть новое там, где толпа не видит ничего?

В этом я не уверен. В нынешнем мире гений рискует пасть жертвой массовой глупости и злобы «признанных специалистов». Вопреки тотальному заблуждению, наш мир становится все более и более враждебен инноваторам и дерзким умам. Мир впадает в старческую, злобную косность. Исчезает тот самый, важнейший «фактор Х» – способность к смелому историческому творчеству. В новом обличье возвращаются средневековое мракобесие и даже инквизиция на современный лад. Возвращаются – и рядятся в ризы «серьезной науки».

Чтобы попасть не в темный, зловонно-кровавый мир новых варваров, а в реальность Полудня, потребен страстный порыв к новым знаниям и самым удивительным изобретениям. К более высокой ступени развития науки. Но как это происходит? Мне-то сие прекрасно известно. Настоящий ученый – всегда естествоиспытатель, бунтарь и революционер в душе. Хулиган и мальчишка до гробовой доски. Взрослый – но с душой пытливого и дерзкого ребенка. Тот, кто не признает никаких авторитетов, не признает слова «невозможно» и везде готов искать неведомое, загадочное. Только такие и становятся первопроходцами, начинате-

лями могучих научных школ и основателями новых научных направлений. Добыча новых знаний всегда связана с риском и опасностью, с уходом от мелочной расчетливости и обывательской рассудительности, с одержимостью, с входом в ту область, которую благовоспитанное большинство помечает словами «Невозможно!» и «Безумно!». Она всегда сопряжена с потрясением старых устоев.

Только «безумные» хулиганы и смутьяны, не признающие никаких пределов, способны на такое. Так было и так будет во веки веков! Продвижение науки и овладение новыми способностями для человечества всегда останется уделом безрассудных, пассионарных храбрецов, презирающих старческие консерватизм и стремление к «солидности». Таким был Михаил Михайло Ломоносов, презиравший современную ему Академию наук, почитавшийся «солидными» учеными за дебошира, сквернословия, способного показать ученым старцам «срамную фигуру» (фигу). Но этот хулиган без колебаний шел на опыты с молниями, ставя на карту собственную жизнь во имя поиска Знания.

Истинный естествоиспытатель, Ученый с большой буквы заворочен открывающимся ему тайной мироздания и отдаст все, чтобы разгадать хотя бы малую толику из представших перед ним тайн. Не официальные титулы, не горы золота – а стремление познать неведомое влечет его. Почести и деньги – лишь побочные следствия этого порыва. Главное – причастность к великой миссии.

Славный советский академик Александр Ферсман, на книгах которого выросло не одно поколение русской молодежи, вспоминал о том, как великий физик Макс Планк выступал на собрании по случаю двухвекового юбилея нашей Академии наук в 1925 году.

«...Казалось – безжизненное и сухое лицо; где-то спрятана искорка его глаз за золотыми очками. Он начинает медленно и как-то неуверенно. Он говорит о великих своих открытиях, о квантах энергии, управляющей миром, о загадочной цифре “постоянной Планка”, основе и еще таинственной загадке уравнений природы.

Он говорит, что науки нет без вдохновения, что великие истины рождаются не вдруг, не в тиши научных кабинетов, а после горячих переживаний души, в огне порывов и желаний, в борьбе за природу и против природы...» (Ферсман А. Е. Воспоминания о камне. М.: Наука, 1969. С. 69).

Истинно так! Наука не может двигаться вперед старцами, закорячавшими в своих взглядах, больными и немощными, злыми на все молодое и новое. Науку и технику движут вперед только молодые духом бунтари.

Но нынешний мир – уже старик. Брюзжащий. Со склеротическим рисунком сосудов на лице. Зацикленный на своих диабетах и инсультах. Огородивший все на свете множеством заборов и запретительных линий. Ненавидящий мысль живую и пламенную. Бесплодный и смотрящий назад, а оттого зверино отторгающий всех, кто может принести плоды Будущего.

И этот мир старческого маразма породил страшные тенденции. Тенденции истребления всего действительно молодого, способного породить подлинные, а не мнимые, Инновации. Это не отвлеченное умствование: яркие иллюстрации этого душительско-инквизиторского мракобесия предстанут перед вами дальше. Да, сегодня новаторов не палят живьем на кострах, их убивают иначе. Но это этого не легче.

Если мы не переломим эти губительные тенденции, нас ждет самое страшное. Новое Темновековье, причем и вы, читатель, и я в этом случае, скорее всего, обречены на жалкую и страшную кончину. Ибо новое варварство означает «сброс» большинства нынешнего населения, как «излишнего». Вопрос стоит так: либо мы освободим колоссальную энергию научно-технических гениев и сможем ею воспользоваться. Либо нам – конец. И не иначе!

Об этом – книга, что вы держите сейчас в руках.

Вот что мне хотелось сказать вам, друзья мои, перед тем, как мы отправимся с вами в путь по страницам «Хроник...»

Ибо футуролог, националист и писатель в данном случае – одно и то же лицо...

Триумф и трагедия Петра Капицы (Прелюдия)

Предтеча

С чего мы зачин сделаем? С простой мысли. Чтобы вырваться вперед, русская наука и наше государство должны лишиться боязни перед тем, чтобы стать первыми в мире, страха перед необходимостью творить и думать самостоятельно. Ибо такие трусость и желание тащиться в хвосте за кем-то предопределяют наше поражение.

Один из наших духовных отцов – великий русско-советский физик Петр Капица (1894–1984). По сути дела, он давным-давно, еще в тридцатые годы, высказал главную мысль «Хроник невозможного»: не подражать кому-то, не плестись в хвосте за кем-то, а иметь смелость, чтобы создавать нечто принципиально новое. Дотоле невиданное. Качественно прорывное, лучшее. Не гнаться за границей, а перепрыгнуть через нее, создавая пионерные, прорывные разработки в науке и технике. Петр Капица – один из наших Прометеев.

Нобелевский лауреат, любимец Сталина, вольнодумец и ярый русско-советский патриот, ученик великого Резерфорда, Петр Леонидович Капица предпринял свою попытку воплотить свою философию безумного прорыва в жизнь. Но, увы, его усилие окончилось поражением. Даже в сталинском СССР, этом символе динамизма, смелости и скорости, темные силы косности и тупости сломали крылья великому академику.

Мы должны изучить эту историю, чтобы лучше понять то, что происходит с нами ныне. И то, как сейчас избежать неудачи. История Капицы-старшего да станет ключом к пониманию всей книги.

Чтобы понять философию великого русского физика, нужно прочесть всего лишь одно его послание Красному императору (<http://delostalina.ru/?p=379>).

2 января 1946 года П.Л. Капица направил Сталину письмо, которое предали огласке лишь в 1989 году. Вместе с ним Капица прислал Сталину еще и рукопись книги писателя Гумилевского «Русские инженеры». Капица указал, что книга «Русские инженеры» была написана Гумилевским по его, Петра Леонидовича, просьбе. А в письме Капица написал вот что:

«Мы мало представляем себе, какой большой кладезь творческого таланта всегда был в нашей инженерной мысли. Из книги ясно: первое – большое число крупнейших инженерных начинаний зарождались у нас; второе – мы сами почти никогда не умели их развивать; третье – часто причина не использования новаторства в том, что мы обычно недооценивали свое и переоценивали иностранное. Обычно мешали нашей технической пионерной работе развиваться и влиять на мировую технику организационные недостатки. Многие из этих недостатков существуют и по сей день, и один из главных – это недооценка своих и переоценка заграничных сил. Ясно чувствуется, что сейчас нам надо усиленным образом поднять нашу собственную оригинальную технику. Мы должны делать по-своему и атомную бомбу, и реактивный двигатель, и интенсификацию кислородом, и многое другое. Успешно мы можем это делать только тогда, когда будем верить в талант нашего инженера и ученого и уважать его и когда мы, наконец, поймем, что творческий потенциал нашего народа не меньше, а даже больше других и на него можно смело положиться. Что это так, по-видимому, доказывается и тем, что за все эти столетия нас никто не сумел проглотить».

Сталин принял это письмо очень тепло. Ведь оно соответствовало философии самого Иосифа Грозного. Ведь потом, в 1947 году, ИВС выдвинул задачу борьбы с «низкопоклонством» перед Западом, прежде всего в естественных и технических науках. 13 мая 1947 года Сталин произнес речь в Союзе писателей, где заявил:

«А вот есть такая тема, которая очень важна... Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров... у них неоправданное преклонение перед западной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников... Почему мы хуже? В чем дело? Бывает так: человек делает великое дело и сам этого не понимает...»

Надо бороться с духом самоуничижения...»

К сожалению, в тот момент, когда Сталин произносил эти окрыляющие, откровенно русско-националистические слова, Петр Капица уже потерпел фиаско в своем первом проекте, где он не гнался за Западом, а перескакивал через него. В кислородном своем проекте, который продолжался с 1939 по 1946 годы. Петра Леонидовича смогли остановить те самые силы косности, зависти и низкопоклонства перед Западом.

А дело было так...

Прекрасное начало

Коньком академика Капицы стало производство жидкого кислорода из воздуха. Кислород был нужен для бурно развивающейся русско-советской промышленности. Например, для металлургии. Кислородное дутье резко повышало производительность металлургических печей и качество сталей. Но как получать много дешевого кислорода из атмосферы Земли?

В 1930-е годы кислород добывали сжатием воздуха, его сжижением, а потом – отделением от него кислорода (метод высокого давления). Технология сия была очень энергозатратной, а потому – дорогой. Капица разработал метод получения сжиженного воздуха (а из него – и кислорода) с помощью турбодетандера, турбины. При низком давлении. Такой технологии (ныне обычной и признанной всемирно) перед Второй мировой еще не было ни у кого на свете. Только у Капицы в его Институте физических проблем к 1939 году работала единственная в мире турбодетандерная установка. Петр Леонидович, став к тому моменту и полным академиком АН СССР, и ученым с мировым именем, и любимцем Сталина, решил: так вот он, шанс! Можно наладить в стране производство невиданной техники, разом обогнав Запад в кислородной промышленности и обеспечив страну самым дешевым на планете «животворным газом». На календаре был февраль 1939 года.

Перипетии той истории мы знаем из 22 отчетов самого Капицы, опубликованных в сборнике статей замечательного советского журнала «Химия и жизнь» (См.: Краткий миг торжества. О том, как делаются научные открытия. М.: Наука, 1989).

Задача представлялась легкой: нужно было только передать чертежи на заводы Наркомтяжпрома (министерства тяжелой промышленности) СССР. Но не тут-то было! При всем уважении к Сталину я не считаю административно-командную систему 1930-х образцом для подражания. Она уже тогда страдала монополизмом, косностью и неповоротливостью. Она уже тогда отторгала от себя новации: передовые технологии приходилось в нее буквально внедрять, вталкивать в нее силой. Не помогали ни суровая сталинская дисциплина, ни страх перед «органами». Все это полной мерой хлебнул инноватор Капица со своими турбодетандерами. Казалось бы, его проекту дали «зеленый свет» в самом правительстве (Совнарком) СССР, Капица переписывается с самим Вождем – а дело буксует. Те вопросы, которые Капица, живший в Англии, мог бы решить телефонным звонком за пять минут, даже в сталинском СССР приходилось решать изнурительными походами по начальственным кабинетам. Даже имея деньги, ты не мог купить набор нужных инструментов: чего-то обязательно не хватало, и отчеты академика буквально пропитаны горечью от всего этого.

Более того, завод «Борец», к которому прикрепили Капицу, оказался не заинтересованным в производстве лучшей в мире техники. Ему в нашей системе выгоднее было производить тридцать наименований техники старых, привычных образцов, выполняя план и обеспечивая валово-

вую прибыль. За что директор получал не наказания, а премии и ордена. А новая продукция – она и дешевле, и головную боль создает. (Вот почему лично М.К. предпочитает смешанную экономику с сильным госрегулированием, как в Германии лит США 1930-х).

В общем, и тут приходилось использовать постоянный нажим. Коллективу Капицы приходилось решать тьму мелких технологических проблем, которые возникали при освоении серийного производства. Как оказалось, инертность советского производства – еще не самая большая беда. Куда хуже оказалось рабско-подражательное мышление. Особенно расстраивали академика Капицу заводские инженеры.

«Это хорошие парни, с большим интересом относящиеся к работе. Многие из них со способностями выше среднего. Но их подход к инженерным вопросам далеко не тот, что нужен для инженера, который должен перегонять чужую технику не количественно, а качественно. У них наблюдается отсутствие смелого устремления к чему-нибудь новому, критического мышления и самостоятельного подхода к проектированию.

Это, конечно, результат нашего технического воспитания, которое ведется как раз такими инженерами и профессорами, которые не привыкли к новым самостоятельным завоеваниям техники, в большинстве своем рабски молятся на достижения Запада и стараются извлечь оттуда те формулы и указания, которые они получают из литературы или из непосредственного ознакомления с иностранными машинами...

В таком духе они и воспитывают нашу молодежь. Ей дается определенная программа знаний, очень старательно и широко продуманная, но к самостоятельному мышлению их не приучают, привычки принимать самостоятельные решения не воспитывают...

Это написано в 1939-м и втройне актуально сейчас! Здесь Капица обозначает тот самый «фактор Х» для прорыва, ту самую дерзость и самостоятельность мышления, ту веру в великие творческие силы русского народа, что убивается сейчас и бюрократией, и «признанными экспертами», и тиранией интернет-серости! Уже тогда люди предпочитали не рисковать и избегать ответственности, просто копируя то, что успели попробовать и отобрать на Западе. В нынешней же, «рыночной» РФ все советские недостатки лишь возведены в квадрат. В истории с Капицей и его турбодетандерами рабское мышление и ревность «признанных специалистов», завидовавших «дилетанту» Капице с его прорывной технологией, сыграли самую роковую роль.

Март 1940-го. Капица с бычьей энергией движется вперед. Его установки выходят легче и эффективнее немецких, лучших на тот момент. Академик пишет в отчете:

«...Новизна нашей идеи теперь ясна из того, что мы получаем заграничные патенты, которые довольно благополучно прошли апробацию в Германии, Англии, Франции и Америке.

Среди наших ученых и инженеров деловой критики, по существу, не было... Но отрицательная реакция на новую работу проявляется в самых широких кругах наших инженеров-холодильщиков, и ее нелегко вызвать наружу. Мне рассказывали, что ряд профессоров и доцентов на своих лекциях студентам, как и в отдельных разговорах, отрицательно высказывались о моих работах. Но они никогда не выступали открыто...

Уже тогда у Капицы появился враг – профессор С. Я. Герш. Сей представитель самого талантливого народа почитал себя светилом в холодильном деле и до того успел опубликовать три учебника для вузов по сему предмету, в особенности – по получению жидкого кислорода. Естественно, «светило» перепевало все те же западные технологии. Герш, как пишет сам Капица, был включен в состав комиссии Госплана по оценке технологии турбодетандеров и на заседании сыпал Петру Леонидовичу комплименты: «Я не нахожу слов, чтобы выразить свое восхищение достижениями...» – и т. д. в том же духе. В записках академик называет Герша «профессором Г.».

Однако втихую Герш ненавидел новатора и еще в 1938-м на коллегии Наркомтопа (министерства топливной промышленности) заявил: Капица, мол, получает пока только жидкий воздух, а кислорода еще не получил. Поэтому, дескать, его успехи недоказательны.

«...По существу, я понимаю проф. Г. и даже сочувствую ему», – писал Капица весной 1940 года. – Он в почтенном возрасте, и переучиваться ему трудно. При введении новых методов он легко может оказаться за бортом.

Эти Г. и подобные им являются, конечно, большим тормозом для проведения нового в промышленности, так как руководство главками, заводами и т. д. в нашей промышленности составляет свое мнение о новых достижениях, обычно опираясь на их мнение. Но кого же им и опираться, как не на своих постоянных консультантов?...

Возникает вопрос: что же можно противопоставить Г-подобным, которые, безусловно, существуют всюду и везде? Я думаю, что при здоровых условиях им можно противопоставить только одно: это здоровое общественное мнение, создаваемое обсуждением новых вопросов на конференциях, в научных обществах, клубах, дискуссиях в печати и пр. ...»

Ах, как наивен был тогда Петр Леонидович, Ланселот инноваций и наш предтеча! Не знал он тогда, какой удар нанесет ему Герш в 1946-м. Не знал он, что на каждого великого инноватора всегда найдется свой «профессор Г.». И неважно, как его зовут – Гершем или академиком Кругляковым, главборцом со лженаукой. Действуют они всегда одинаково. Как правило, «профессоров Г.» много, и они слетаются атаковать гения, словно птицы в знаменитом фильме Хичкока, жестокой стаей. Какие там свободные дискуссии в прессе или на конференциях? Они захватывают господство и буквально забивают того, кого хотят уничтожить, не давая ему и слова сказать. И об этом обязан помнить любой правитель, что станет выводить русских их смертельного кризиса, опираясь на операцию «Прометей». Никогда нельзя опираться только на мнение «признанных экспертов»: нужно все проверять практикой! Иначе не создать новых неба и земли...

А в 1940–1941 годах Петр Капица продолжает пробивать каменную стену лбом. Ругает низкое качество работы советской промышленности. («Увы, психологию наших заводов можно было бы охарактеризовать так: «Потребитель не свинья – все съест»...»). Достает дефицитный инструмент, для чего приходится подключать руководство наркомата-министерства. Серийное производство кислородных установок планируется ни июль сорок первого.

И тут начинается война.

Петр Капица возглавляет кислородную промышленность. Индустрии тяжело воюющей державы нужен жидкий кислород! «Профессоры Г.» затаились. И вот готов первый экземпляр «Объекта № 1» – турбокислородной установки ТК-200 производительностью до 200 кг/ч жидкого кислорода, в начале 1943-го он запущен в эксплуатацию. В 1945 году сдан «Объект № 2» – установка ТК-2000 с производительностью в десять раз больше. В январе сорок пятого открыт кислородный завод в Балашихе. По предложению академика-новатора в мае 1943-го постановлением Государственного комитета обороны (ГКО) во главе со Сталиным учреждается Главкислород Главное управление по кислороду при СНК (правительстве) СССР. Начальником Главкислорода назначается Петр Капица. В 1945 г. им организован специальный институт кислородного машиностроения – ВНИИКИМАШ и начал выходить научно-практический журнал «Кислород». В 1945 году П. Капица удостоен звания Героя Социалистического Труда, а его институт награжден Орденом Трудового Красного Знамени.

Награду Капице вручили 18 мая в Кремле. А на следующий день его соратник, академик С. Кафтанов в газете «Правда» называет создание установки крупнейшим достижением науки в ходе войны. Воодушевленный, 21 мая 1945 года академик-«прорывник» пишет письмо Сталину, предлагая внедрить технологию кислородного дутья на Новотульском металлургическом заводе. Это позволит отработать получение кислорода в больших масштабах, а также «научиться ставить новаторские эксперименты в технике в больших масштабах, с охватом ряда звеньев производства».

В июне сорок пятого Капица выступает в Академии наук и утверждает: внедрение кислородного дутья – это удвоение выплавки чугуна и стали на имеющихся мощностях при освобождении 40 % рабочих.

И тогда начинается самое грязное и мерзкое...

Ошибка Берии

Первый донос на Капицу пишет начальник Главтогена М. К. Суков. Он обвиняет Капицу в том, что деятельность его Главкислорода «носит явно капиталистический оттенок, не позволяющий развития новых идей...» Мол, не идет обсуждение работы Главкислорода, Капица раздает высшим руководителям страны невыполнимые обещания.

Увы, на стороне Сукова оказывается самый лучший менеджер того времени – Лаврентий Берия. Капица идет с ним на прямое столкновение, обвиняя того в том, что Берия, мол, любит махать дирижерской палочкой, но вот партитуру понимает слабо. А Берия этого академику не простил.

В мае 1946 года назначается государственная комиссия по проверке работы Главкислорода. Кто в нее входит? Правильно – профессор Герш (тот самый «проф. Г.»), а также товарищи Гальперин и Усюкин. 21 июня комиссия заканчивает работу – речью Герша. Он заявляет: есть два Капицы. Один – великий физик и выдающийся ученый. Второй Капица – «неудачливый изобретатель метода получения дешевого кислорода», который обходится стране слишком дорого и тормозит развитие кислородной промышленности в Советском Союзе.

Герш настаивает на копировании гитлеровских кислорододелательных машин, которые построены по старой технологии, но, мол, экономичнее турбодетандеров Капицы. Герша поддерживает министр химической промышленности Первухин: не нужно бояться передового зарубежного опыта.

– Ползите за любой страной, какая вам нравится! – вскричал разгневанный инноватор.

Его победили. Государственная комиссия признает перспективность разработок Капицы, но полагает, что запуск в промышленную серию будет преждевременным. Установки Капицы разбирают, и проект оказывается замороженным. СССР идет по пагубному пути копирования чужого. Начальником Главкислорода делают Сукова, доносчика. Кстати, снимают Капицу с должности как раз за «неиспользование существующей передовой техники в области кислорода за границей». 17 августа постановление с такой формулировкой подписывает сам Сталин.

Да-да, даже он в последние годы все чаще ломается и вопреки своим словам о необходимости не раболепствовать перед Западом поддерживает практику копирования. Капица отставлен 17 августа 1946 года. А 20 сентября Академия наук снимает его с должности главы Института физических проблем. Что, впрочем, не мешает Капице и в опале писать письма Сталину и создать «избу физических проблем». Кто знает, может быть, он действительно вел секретные эксперименты?

Но вот кислородная промышленность СССР от этого только пострадала. Ибо правоту Капицы подтвердило время: весь мир перешел на турбодетандеры уже в 1948-м. Надо было не шельмовать их в 1946-м, а доводить до ума, сохраняя первенство за русскими. А так в США на один турбодетандер тратили больше, чем на все работы по ним в СССР, начиная с 1939-го.

В 1948-м Капица пишет Иосифу Сталину:

«...История учит, что в вопросах осуществления новой техники время неизбежно устанавливает научную правду...»

...Мы не только пошли по неправильному пути копирования изживших себя немецких установок высокого давления, но, главное, мы безвозвратно погубили свое родное, оригинальное, очень крупное направление развития передовой техники, которым по праву должны были гордиться. Тогда же «опала» с меня будет снята, так как будет неизбежно признано, что

я был прав как ученый и честно дрался за развитие у нас в стране одной из крупнейших технических проблем эпохи...»

К сожалению, Сталин не услышал «прорывника». Да и опалу с Капицы сняли только после гибели и ИВС, и Берии, только в августе 1953-го. Так что и у великих были ошибки по части инноваций. Увы...

Сегодня, когда я читаю, как комиссия по лженауке академика Круглякова зарезала тысячи предложений, то всегда вспоминаю ту давнюю историю. Сколько в этих тысячах было возможных прорывов?

Триумф и трагедия Петра Капицы лишний раз убеждают меня: не нужно верить слепо «признанным специалистам». Нужно уметь искать и дерзать, причем на государственном уровне!

Ибо история Капицы продолжает повторяться снова и снова. Но уже – в РФ...

Подожди, читатель! Я знаю, что ты кивнешь на коллективный разум Академии наук. Что именно он должен спасать гениев-прорывников, защищая их от тупых чиновников и завистливых начетчиков-талмудистов от науки/техники.

Увы, это тоже не так!

Если в нынешнее время Академия наук и ее академики говорят, что нечто или некто – невозможное и шарлатан, не стоит принимать ее слова на веру. В ряде случаев за словами «ученой герусии» может стоять просто косность, невежество или элементарная злоба пополам с завистью. Критерий может быть лишь один: практическая проверка предлагаемых новаций. Для этого достаточно сравнительно недорогих опытов.

Любой власти, взявшейся за национальное возрождение, следует об этом помнить. Никто не требует разогнать РАН или вообще не прибегать к ее экспертным услугам. Но всегда нужно помнить об опыте Иосифа Виссарионовича Сталина.

Атомный проект: не самая славная страница истории Академии наук

Об этом в РАН (она же – АН СССР) не особенно-то и любят вспоминать. Академия во время Великой Отечественной могла если не погубить, то надолго остановить советский атомный проект. Даже выдающиеся тогдашние академики-физики, Абрам Иоффе и Петр Капица, в 1943 году считали атомную бомбу очень далекой перспективой.

Дело было так: весной 1942 года случились два события. Во-первых, в апреле сорок второго знаменитый советский диверсант, легенда русского спецназа Илья Старинов передал в научно-технический совет Государственного комитета обороны записную книжку немецкого офицера инженерных войск, взятую в районе Таганрогской бухты. В ней содержались расчеты по выходу энергии при взрыве бомбы из урана-235 и список материалов, нужных для создания такого оружия. Сам взрывник Старинов в атомной физике ничего не понимал, а потому решил передать материал ученым при ГКО.

Теперь-то мы знаем, что сигнал Ильи Старинова был своевременным. Английский комитет по проблеме создания атомного оружия (Комитет MAUD, МОД) пришел к выводу о технической возможности создания ядерной бомбы из урана-235 еще осенью 1940 года, представив свой доклад британскому премьеру Черчиллю. 15 июля 1941 года британский Комитет МОД завершил два отчета, причем первый из них твердо гарантировал возможность бомбы из 11 кг урана, имеющей эквивалент в 1800 тонн тротила и обеспечивающей долгое радиоактивное заражение места своего взрыва. И, хотя отчет давал излишне оптимистический прогноз о возможности создания бомбы уже в 1943 году, он отмечал, что необходимо тесное британо-американское сотрудничество в работах над новым оружием. (*Бэггот Дж.* Тайная история атомной бомбы. М.: Эксмо, 2011. С. 142–143.)

Американцы долго тормозили, но и там дело в сорок первом уже пошло. 9 октября 1941 года президент Франклин Делано Рузвельт постановляет: отныне я сам стану принимать все решения по разработке ядерного оружия во избежание всяких проволочек. Для этого создается высший президентский совет, куда входят и главный научный советник президента Ван-невар Буш с Конэнтом, и вице-президент США Генри Уоллес, и военный министр Стимсон, и начальник штаба американских ВС Джордж Маршалл.

То есть, к моменту передачи Ильей Стариновым записной книжки немца в научно-технический совет Госкомитета обороны и в США, и в Британии уже шли работы по созданию ядерного оружия. Помощник главы комитета С. А. Балезин передал немецкие записи на экспертизу специалисту по взрывчатым веществам, генералу Г. И. Покровскому и видному советскому физику-атомщику Александру Лейпунскому. Ну, Покровский к ядерным исследованиям касательства не имел, а вот А. Лейпунский, директор Харьковского Физико-технического института с 1939 года – руководитель исследований по проблеме «Изучение деления урана», а также с 1940 – по проектированию циклотрона. Он принимал участие в работе Ядерной и Урановой комиссий АН СССР, созданных в 1940-м. А в 1944-м Лейпунский, будучи директором Института физики и математики АН Украинской ССР, создал в нем отдел атомной физики. Он-то, что называется, был «признанным специалистом» в ядерной проблеме.

Но, как и генерал Покровский, Александр Овсеевич Лейпунский тогда выдает заключение: не нужно заниматься созданием атомного оружия в СССР! Мол, страна – в тяжелом положении, не время ей швырять миллионы рублей на то, что даст результаты в лучшем случае через десять, а так – через добрые пятнадцать лет (*Холлуэй Д.* Атомоход Лаврентий Берия. М.: ЭКСМО, 2011. С. 58–59).

Признанный эксперт Лейпунский ошибся. Первый атомный взрыв на Земле грянул в июле 1945-го в Аламогордо, всего лишь через три года.

Слава богу, что Степан Афанасьевич Балезин тогда не поверил экспертам и подготовил рапорт о том, что проблема крайне серьезна, что гитлеровцы ведут работы по урану, что СССР также должен заняться созданием ядерного оружия. Сын луганского рабочего, академик Кафтанов, поддержал подчиненного. При этом они, написав документ на имя Сталина, не приложили к нему мнений признанных экспертов.

Об этом пишет Сергей Снегов в своих «Творцах» (1979 г.). Мнение Научно-технического комитета Государственного комитета обороны тогда стало одной из увесистых гирек, которые склонили чашу весов в пользу начала работ по атомной проблеме в 1942 году.

Вопреки мнению академиков и «признанных специалистов».

Если бы Сталин доверился академикам...

Немного ранее физик Георгий Флеров, в декабре 1941 года обнаруживший исчезновение статей по проблеме деления атомного ядра в западных научных журналах, забил тревогу. Он справедливо счел, что тема на Западе засекречена, что там полным ходом пошли работы по созданию нового оружия. Отпросившись в своей части в командировку, Г. Флеров в декабре 1941-го сделал доклад на семинаре в Казани, где участвовали такие маститые физики-атомники как академики Абрам Иоффе и Петр Капица. 11 декабря 1941 года Флеров, уже прославившийся в 1940-м как открыватель самопроизвольного распада урана, выступил перед академиками: Иоффе, Капицей, Стветловым, Семеновым и Хлопиным (последний – основатель Радиевого института). Уж кто-кто, а они были полностью в теме. Ибо Иоффе вообще стоял у истоков ядерной физики в СССР, проведя Всесоюзную конференцию по проблемам атомного ядра еще в 1933-м. Да и Петр Капица идиотом не был. Флеров пытался доказать Иоффе и Капице: работы по урановому проекту, начатые АН СССР в 1940-м и прерванные с нападением Германии на страну, необходимо возобновить.

И что же ответили Флерову маститые физики и признанные специалисты? В общем, посоветовали ему «не париться». Иоффе отговорился тем, что воюющей стране вообще не до этого.

Но труды Флерова не пропали даром. Его-то письма заметили в Научно-техническом комитете ГКО. И когда Старинов доставил туда еще и записную книжку немца, государство принялось действовать помимо АН СССР. Оно начало Атомный проект.

Мы уже знаем, что первый руководитель атомного проекта СССР, Вячеслав Молотов, в начале 1943 года, беседовал с академиками Иоффе и Капицей, попросив у них найти достойного научного руководителя проекта. И тогда Петр Иванович Капица, этот блестящий и прозорливый ум, заявил, что ядерная бомба – оружие не этой, а следующей войны, дело будущего. Абрам Иоффе ничего вразумительного предложить не смог, сам в руководители работ над атомным оружием не шел.

Нет ничего удивительного в том, что, придерживаясь такого мнения в даже сорок третьем, Капица с Иоффе в декабре 1941-го прохладно отнеслись к порывам Георгия Флерова и не поддержали его. Конечно, Капица с Иоффе тут не были оригинальными: таким же «тормозом», как мы знаем, оказался и главный научный руководитель при Рузвельте, Ванневар Буш. Однако он к тому времени уже «снялся с ручки» и успел сделать очень многое. А вот АН СССР продолжала «тормозить», отставая от американцев примерно на год, и стала настоящей каменной стеной.

Георгий Флеров ярился, писал письма: «В военной технике произойдет самая настоящая революция. Произойдет она без нашего участия, и все это только потому, что в научном мире сейчас, как и прежде, процветает косность...»

Флеров предлагал создать совет ученых АН СССР по проблеме атомных исследований, собрав известнейших ученых – Иоффе, Ферсмана, Вавилова (физика), Хлопина, Капицу, Лейпунского, Ландау, Алиханова, Арцимовича, Френкеля, Курчатова, Харитона, Зельдовича, Мигдала, Гуревича и Петржака. Флеров безуспешно теребил не только АН СССР, но и научно-технический совет Государственного комитета обороны, отправив ему пять телеграмм. Все – даром. Отчаявшись, Флеров написал послание самому главе Госкомитета обороны, Сталину. Он предложил Иосифу Виссарионовичу собрать совещание и самому присутствовать на нем, явно или неявно. Ибо на заседаниях президиума Академии наук обсуждается все, что угодно, но только не ядерные исследования. Флеров был прав: в США создание нового оружия уже стало приоритетной программой правительства. Американская Академия наук (о чем знаем мы, но тогда не знал Флеров) уже признала реальность ядерного оружия. Но не АН СССР! Флеров в апреле 1942-го обратился к самому Сталину:

«Это и есть та стена молчания, которую, я надеюсь, Вы мне поможете пробить, так как это письмо последнее, после которого я складываю оружие и жду, когда удастся решить задачу в Германии, Англии и САСШ. Результаты будут настолько огромны, что не будет времени решать, кто виноват в том, что у нас в Союзе забросили эту работу.

Вдобавок делается это настолько искусно, что и формальных оснований против кого-либо у нас не будет. Никогда, нигде, никто прямо не говорил, что ядерная бомба неосуществима, и однако, создано мнение, что это – задача из области фантастики...» (Холлуэй Д. Указ. соч. С. 45–46).

Как мы знаем, эти послания внимательно читали в Государственном комитете обороны.

Таким образом, если бы Сталин полагался только на авторитет Академии наук СССР, то советский атомный проект так и не начался бы в конце 1942 года. Никто бы не ориентировал разведку Союза на охоту за западными атомными разработками. А взрывы американских супербомб летом 1945-го стали бы ошеломительным «сюрпризом». Академия наук и ее признанные специалисты виновато развели бы руками: мол, хотели-то как лучше, а получилось – как всегда.

Повернись история так – и Советский Союз просто не успевал создать свое атомное оружие к августу 1949-го. Скорее всего, сроки отодвинулись бы до середины 1950-х: ведь тогда не было бы у нас «ускорителя» в виде данных разведки. Да и была бы вообще тогда русская ядерная бомба? Ведь США, пользуясь монополией на ядерное оружие и огромным превосходством в дальней авиации, к тому времени могли разбомбить нас к чертовой матери, бросив на СССР армады своих реактивных «стратоджетов» и «стратофортрексов» с десятками атомных бомб на борту. Москва бы еще могла как-то отбиться с помощью системы «Беркут», а вот главные промышленные центры страны рисковали превратиться в радиоактивные развалины. Мобильных ракетных комплексов ПВО у нас еще не имелось (они появятся только в 1959-м), зенитки до высотных бомберов США не доставали, а истребители, как явствует опыт Второй мировой, массированные налеты пресечь не могут.

Слава богу, Сталин не доверился авторитетам и признанным экспертам Академии наук. Когда Флеров писал письмо Иосифу Виссарионовичу, он не ведал, что за месяц до него, в марте 1942 года, Лаврентий Павлович Берия положил на стол Сталину записку, где сообщил о выводах британского комитета МОД, заверил в полной реальности создания атомной бомбы и предложил немедленно создать структуру при Госкомитете обороны по сей проблеме, познакомив ведущих физиков СССР с данными разведки. Видимо, письмо Флерова дополнило записку Берии, и Сталин принял решение о начале ядерной программы.

Интересно: а если бы тогда у Советского Союза не было бы столь сильной внешней разведки, если бы диверсант Старинов не привез нучному руководителю Госкомитета обороны книжицу немца – смог бы Сталин принять верное решение и не пойти на поводу АН СССР? Скорее всего, нет. Но в том-то и заключался могучий ум вождя, что ИВС не доверял одному источнику информации.

Но можно вспомнить и о 1940 году. Тогда ядерными исследованиями в стране занимался Игорь Курчатов. Два его ученика, Петржак и уже знакомый вам Флеров, на примитивном, в общем-то, самодельном оборудовании открыли явление самопроизвольного деления урана. Первыми в мире. Проведя эксперимент в кабинете начальника станции метро «Динамо» в Москве. Это было открытие мирового масштаба. Оно убедительно говорило: создание «атомного котла» и атомной бомбы возможно.

Игорь Курчатов это прекрасно понял. В 1940-м году он предложил Академии наук СССР, где прозорливый Вернадский основал Урановую комиссию, начать советский проект по овладению внутриядерной энергией, начать проект. 29 августа 1940 года профессор Курчатов вместе с Флеровым, Русиновым и Харитоном отправили в президиум Академии письмо, где предложили внятную программу «Об использовании энергии деления урана в цепной реакции». Фактически, как пишет Сергей Снегов в своих «Творцах» (1979 г.), в ней уже были основные моменты будущего атомного проекта, хотя и с креном в сторону мирного использования ядерной энергии. Ничего подобного в этот момент не было ни в США, ни в Англии, ни в Германии.

«Если бы программа Курчатова была осуществлена с запланированным размахом, первый атомный реактор заработал у нас гораздо раньше. Франция в дни, когда писалось письмо, лежала под пятой гитлеровских солдат, в ней прекратились ядерные исследования, с такой интенсивностью проводившиеся еще недавно: перед вторжением немцев Жюлио Кюри выкалывал экспериментальный атомный котел, рассчитанный Френсисом Перреном. И можно считать обоснованным, говорят сейчас на Западе историки науки, что если бы не война, то первые реакторы были бы пущены во Франции и Советском Союзе», – писал Снегов.

Однако для старта такого проекта в СССР 1940 года нужна была отчаянная смелость и решимость быть первыми в мире, способность поверить в «фантастику». Но заседание президиума Академии наук не поддержало тогда Курчатова. Мол, программа-то выходит слишком дорогой, требующей огромных ресурсов. А ведь нельзя ужимать и другие науки, иные исследования. Потому согласились с предложением академика Хлопина, директора Радиевого

института: вести работы потихоньку, постепенно, без надрыва. Курчатов потерпел поражение. Не поддержал его и академик-физик Абрам Иоффе: тот еще в конце 1939 года в статье для «Вестника Академии наук» заявил: «Этот передовой участок современной физики наиболее удален еще от практики сегодняшнего дня...

...В феврале 1939 года в неожиданной форме возродилась проблема использования внутриядерной энергии, до сих пор не преступавшая рамок фантастических романов. Анализ этого явления, произведенный советскими физиками, определил условия, при которых эта задача могла бы стать осуществимой. Трудно сказать, возможны ли эти условия на практике – на решение этого вопроса направлено наше исследование. Скорее всего, что на этот раз технических выходов не будет».

Иоффе в 1940-м заявил, что атомной энергией овладеет лишь следующее поколение ученых. Хлопин в ответ на инициативу Курчатова сказал: урановая энергетика – дело далекого будущего.

Таким образом, Академия наук в 1940 году сочла атомную энергию слишком далекой перспективой. Курчатов не стал академиком. Его сделают таковым только в 1943-м. Более того, прорывная работа Флерова и Петржака, первыми в мире открывших спонтанное деление урана, в том году так и не получила Сталинской премии. Почему? Потому что рецензент сей премии выдвинул возражение: нет сообщений с Запада, что такие эксперименты там воспроизведены, нет реакции в западных научных журналах. А значит, открытие Флерова и Петржака большого значения не имеет. Сегодня говорят, что ученых вычеркнул из списка сам Сталин. Если это и так, то его можно понять: вот, уважаемые академики хором говорят, что все это – дело какого-то туманного будущего, что конкретной технологии от всего этого не дожدهшься...

Вот почему наша Академия наук не любит вспоминать об этих эпизодах, где она показала себя косной и близорукой. И это ведь не курьез, когда французская Академия наук во главе с гениальным Лавуазье в конце восемнадцатого века приняла решение вообще не рассматривать сообщения о падении метеоритов, ибо камней, мол, в небе быть не может. Это – пример куда посвежее.

И ведь творилось сие в самый героическо-эпический период истории и страны, и самой Академии, в пору бури и натиска. Когда саму АН СССР составляли легендарные ныне ученые-основатели мощных научных школ! Что же говорить о дне сегодняшнем, когда могучая АН СССР стала старческой, немощной РАН? Когда отечественная Большая наука деградировала четверть века подряд? А ведь до сих пор на ее суждения и экспертизы опираются высшие должностные лица РФ.

Мой вывод: однозначно доверять высказываниям и заключениям нынешних академиков нельзя! Все их слова необходимо перепроверять, испытывать экспериментами. Ибо в противном случае признанные старцы от науки успеют придушить в колыбели множество полезнейших для национального возрождения разработок, смешав их в одну кучу с шарлатанским бредом.

К сожалению, раболепие перед западными наукой и технологией, равно как и заслуги сталинской научно-технической разведки сыграли в истории нашей страны убийственную роль. Да, шпионаж и копирование западных достижений позволило нам в кратчайшие сроки преодолеть отставание от Запада, сэкономило нам силы и средства. Но они же, соединяясь с неверием в собственные силы и косностью официальной науки, породили стремление вечного подражания Западу. Они породили губительную тенденцию: во всем полагаться на копирование того, что достигли за границей, и это обрекло нас на вечное отставание и на несамостоятельность мышления.

Зачем я все это вам рассказал, друг-читатель? С тем, чтобы повести вас уже в наши дни, когда наша жизнь зависит от одного: сможет ли страна совершить спасительный рывок в развитии? Если такое происходило во дни неукротимой веры в собственные силы и бурного развития

страны, то что тогда творится в нынешней изверившейся, деморализованной РФ, «успешно» скатывающейся с вершин научно-промышленного могущества в яму сырьевой отсталости?

И теперь мы перейдем к истории почти детективной. Из бурных и кровавых 90-х...

Глава 1. От подвальной лаборатории до ключа к гамма-лазеру

Эта история начиналась мрачной осенью 1992 года, в холодном и отчаявшемся Питере. Именно тогда и начинается путь Виктора Петрика, впоследствии объявленного демонической личностью и шарлатаном всех времен и народов. Именно тогда и начались работы по дешевому получению осмия-187, позднее вылившиеся в грандиозный скандал. Но не он – главная тема сей истории. Как это частенько и случается в истории науки, искали почти «философский камень», способный принести золотые горы – а нашли ключ одной из технологий невиданного могущества.

Поиски «философского камня» на руинах

Осень 1992-го. Мрачное и кровавое, депрессивное время. Совсем недавно погиб СССР. Все ушиблены нищетой и тотальным развалом. Кажется, что скоро и РФ начнет разваливаться на куски. Промышленность стоит, большинство людей вынуждены выживать всеми мыслимыми способами. Рубль постоянно обесценивается. В продовольственных магазинах – еще пусто, зачастую там действует единственное окошечко, через которое единственный продавец отпускает по запредельным ценам те немногие товары, что имеются. Инфляция – страшная. Десяток яиц, стоивший утром 20 рублей, к вечеру стоит уже 25. Все гоняются за вожделенными долларами, ради них готовы бросаться во все тяжкие. Рыночные механизмы еще в самом зародыше. Улицы городов грязны и разбиты. На обломках СССР бушуют войны, там открыто режут, грабят и насилюют русских.

И на этом фоне свирепствует организованная преступность, набирают силу ОПГ. Везде звучат выстрелы, гремят взрывы, кровь льется рекой. Гангстеры в бордовых пиджаках и с золотыми цепями на бычьих шеях делят сферы влияния, собственность, воюют за контроль над потоками контрабанды. Особенно в Питере, в одночасье ставшим из трудового Ленинграда – бандитским Петербургом. Страну словно покрывает слизь – смесь из крови и спермы. Рушится к чертовой матери все: мораль, понятия о чести и достоинстве, о любви и верности.

Тогда казалось, что мы все попали в воплощенный кошмар, в край всеобщего сумасшествия, в преддверие окончательной гибели. Над руинами и кровью витают безумные фантомы. Все хотят обогатиться любой ценой. Быстро и без труда. Бродят слухи о таинственных веществах, один грамм коих стоит целое состояние. Именно тогда ползут слухи о почти магической «красной ртути», которая, мол, сулит невероятный прорыв в создании сверхмалого ядерного оружия или сверхчувствительных тепловизоров. Но, поскольку ее никому не удастся даже просто увидеть, ползут слухи о другом чудо-веществе. Об изотопе осмия – осмии-187, который, как говорят, на мировом рынке идет иной раз по 200 тысяч долларов за грамм. Или немного дешевле.

Именно тогда в окружении тогдашнего либерального мэра Петербурга, завязанного демократа Анатолия Собчака, и рождается «глобальный план». А почему бы не получить этот самый осмий-187 килограммами – не продать его на Запад? Эта идея не дает спать тогдашнему вице-мэру Льву Савенкову, главе Комитета по торговле, общественному питанию, бытовому обслуживанию и снабжению города продовольствием. Да-да, тому самому, коего стараниями контрразведки (ФСК, а затем и ФСБ) в 1997 году упрячут на пять лет за решетку, обвинив его в организации контрабанды через питерский порт и в связях с тамбовской ОПГ знаменитого Кумарина. А осмий-187 присовокупят до кучи – в дополнение к эпизодам с вывозом черной икры и закупкой сахара по запредельным ценам.

Но все это осенью 1992-го – еще впереди. А тогда умы питерской мэрии будоражит образ осмия-187. Как расскажет потом следствию сам Лев Савенков, они считали, что даже небольшое количество Os-187 позволит принести городу 12–13 миллиардов долларов в год, что равно шести-семи годовым бюджетам СПб. Откуда они тогда рассчитывали взять 60–70 кило изотопа – непонятно. Равно как и смешно то, что питерские демократы, управлявшие разваливающимся городом в 1991–1995 годах, совсем не приняли во внимание того, что такие огромные количества осмия-187, будучи выброшенными на рынок, попросту собьют цены на него во много раз.

Да, тот ажиотаж вокруг осмия был чем-то вроде старинной «тюльпановой лихорадки» в Голландии. Ну, когда куча лохов платила целые состояния за луковицу цветка только из-за слухов о том, что тюльпаны можно продать где-то за море с наваром в тысячи процентов. В те лихорадочно-шизофренические времена все искали легкого обогащения и не обращали внимания на подобные «мелочи». Потом ведь выяснится, что осмий-187 в таких количествах мировому рынку пока еще без надобности. Дороговизна изотопа объясняется тем, что получают осмий-187 в основном в американской Окриджской лаборатории, крайне дорогим методом электромагнитного разделения изотопов. Как раз по 189 тысяч долларов за грамм. А дорог сей изотоп оттого, что процесс его получения связан с гигантскими затратами времени, электричества и труда научных сотрудников.

Однако образ золотых гор захватывал воображение новых питерских «демократов». Оставалось решить «простенькую» задачу: каким-то образом получить килограммы очень чистого Os-187. Так, чтобы чистота его была никак не менее 99,4 % – ибо даже Окридж обеспечивал чистоту лишь в 70,432 %.

Тогда-то мэрия Питера и обратилась за помощью к самородку, главе компании «Инкорпорация-4Т», прослывшему мастером сотворять невозможное. Я так и буду называть этого героя – Мастером. Без всякой лести.

Передо мною – письмо вице-мэра Питера Л. Савенкова председателю совета директоров «Инкорпорации 4Т» В. от 1 июня 1993 года, написанное явно задним числом, уже задолго после первых переговоров с изобретателем. В нем Комитет по торговле, общественному питанию, бытовому обслуживанию и снабжению города продовольствием просит Мастера «рассмотреть возможность разработки нетрадиционных технологий по производству редкоземельных (так в тексте. – М. К.) металлов: Осмий 187, Цезий 133, Рубидий 87».

Мотивировка? Цитирую, сохраняя безграмотную пунктуацию оригинала:

«По имеющейся у нас информации, к вышеперечисленным металлам, проявляют большой интерес западные фирмы и, как следствие, они могут быть предметом экспорта. Вырученные валютные средства, предполагается использовать на закупку продовольствия, сырья и оборудования для перерабатывающей промышленности города».

Можно сказать, памятник того смутного времени. Помню иные документы, по которым мэр Москвы Лужков просил квоты на продажу газа для закупки польской картошки. Или просьбы Ельцину от самарского губернатора: на право продать за рубеж несколько самолетов для снабжения области едой.

Вызов и ответ

Как вспоминает сам Мастер, когда к нему обратились из мэрии с подобным предложением, он еще сам не знал, каким образом сделать такую работу. Однако, по обыкновению, решительно заверил: «Сделаю!» Так, чтобы корабли оказались сожженными и отступать было попросту некуда.

Можно сколько угодно измываться над мечтами и планами собчаковского окружения в стиле грез Остапа Бендера и Кисы Воробьянинова, но сама задача получения больших объе-

мов чистого осмия-187 представлялась тогда архитрудной и вовсе невозможной. Ведь в мэрии просили не какой-нибудь Os-187, а именно большой чистоты – не менее 99,4 %.

В общем, при получении сего изотопа все в мире шли обычным путем: брали осмий как таковой и из него выделяли те ничтожные количества изотопа-187, какие в нем содержатся. Теоретически, как и в случае с ураном-235, имелись три технологии добычи желаемого, основанные на разделении изотопов по массе их ядер: метод газовой диффузии, метод электромагнитного разделения изотопов и технология сепарации их на масс-центрифуге, вертящейся с бешеной скоростью.

Газодиффузионный способ можно было сразу отмести: он отличается чудовищной затратностью. Но и электромагнитная сепарация, и центрифуги в данном случае не годились. Во-первых, требовалось собственно очень дорогое и сложное оборудование, годное для производства, кстати, ядерного оружия. Ибо что такое – масс-центрифуга? Чудо инженерной мысли и сверхточной (прецизионной) обработки металла. «Летающая тарелка» центрифуги вращается со скоростью в три тысячи оборотов в секунду. Она должна быть идеально сбалансированной. Малейшая разница в массе стенок – и центрифуга улетит в сторону, к чертовой матери, пробив заодно стенку цеха. Раскручиваясь, она сначала покоится на тонких, игольчатых осях. Каковые потом убираются, и агрегат вертится в магнитном поле, буквально левитируя в нем. Именно так сепарируются изотопы урана. Вот почему, кстати, настолько сложно и дорого овладеть технологиями производства атомной «взрывчатки».

Таковой машинерии у нашего героя просто не было, а получить доступ к тем же масс-центрифугам в ядерно-оружейном Минатоме можно было только через цепочку согласований и разрешений на самом «верху». Ибо центрифуги работают в системе ядерно-оружейного производства. Но даже и с ними процесс получения даже считанных граммов осмия-187 растягивался ой как надолго! Ведь этого изотопа в общей массе осмия мало: всего 1,7 %. Элементарные отчеты показывают, что для того, чтобы получить значительные количества осмия-187 чистотой 99,4 %, требовалось лет двадцать работы крупного предприятия с масс-центрифугами. Стоимость грамма осмия-187 желанной чистоты при этом доходила бы до 20–30 миллионов долларов. Да-да, вы не ослышались. Именно столько. 190 тысяч «баков» за грамм стоил Os-187 из Окриджа, где его добывают методом электромагнитного разделения изотопов, но его чистота у американцев не достигала и семидесяти одного процента. А вот дальше каждый новый процент чистоты вызывал рост затрат в геометрической прогрессии. То есть, в два, четыре, в восемь раз – и так далее. Ибо чем меньше осмия-187 остается в собственно осмии, тем труднее его извлекать.

Оставалось изобрести принципиально иной способ получить желанный чистый изотоп в больших количествах, не используя ни центрифуг, ни электромагнитной сепарации. Мастер нашел принципиальное решение очень быстро. Если все идут самым нетворческим путем и выделяют изотоп из обычного осмия (смеси изотопов), то нужно двинуться дорогой неторной. Причем совершенно с другой стороны. То есть искать аномальное месторождение, где имеются все металлы платиновой группы (к коей относится и осмий), но почему-то нет самого осмия! То есть такую руду, где осмия никогда не искали, но зато в которой может прятаться заветный изотоп. А его выделить, пустив в ход чисто химические способы. Тогда не нужно будет вертеть осмий в многочисленных центрифугах. Не потребуется, как привыкли все, сначала получать из руды осмий, эту смесь разных изотопов, а уж из него выделять сто восемьдесят седьмой.

Почему требовалась именно такая аномальная руда? Потому что всегда рядом с платиноидами, такими, как иридий, есть сопутствующий металл – рений. У рения есть изотоп – слаборадиоактивный рений-187. Поэтому он за миллиарды лет распадается, давая в результате осмий-187. Почему пришлось искать руду, где есть платиноиды, исключая сам осмий? Потому что даже ничтожное количество этого металла поглощало бы тот осмий-187, который рождается в результате распада рения-187. И тогда бы Os-187 пришлось бы вытаскивать из него

обычными, архидорогими методами. А если осмия в руде нет, то в ней сокрыты очень малые доли осмия-187, который можно добыть без сложнейшей техники.

И такая руда потом действительно отыскалась. В Казахстане, производящем рений. Есть всего две страны-производителя рения: Казахстан и Соединенные Штаты. Вернее, в Казахстане тогда делали рениевый концентрат из руды уникального Джезказганского месторождения. Кстати, очень древнего. Руда, которую добывают и обогащают на «Джезказганцветмете», как раз и не содержит осмия. Зато она богата рением.

В начале 90-х на этом комбинате стояли громадные чаны, где в каждом хранилось по пятьсот килограммов рениевого концентрата. Что это такое? В местной руде на тонну породы содержится от 20 до 30 килограммов рения. Поэтому из руды делают концентрат, извлекая из нее соли рения. Советские попытки наладить извлечения чистого рения в Джезказгане, увы, не увенчались успехом. (Этим долго занималась доктор технических наук Татьяна Грайер из питерского Горного института). Потому Казахстан в 90-е продавал за рубеж не собственно рений, а тот самый концентрат. Соли рения.

– Да и до сих пор продают, – поясняет Мастер. – А жаль. Я мог бы поставить технологию извлечения чистого, металлического рения...

Но в 1992–1993 годах такой задачи еще не стояло, а рениевый концентрат из Джезказгана требовался для того, чтобы вытащить из него заветный осмий-187. Для начала Мастеру привезли из Казахстана один килограмм рениевого концентрата, и из него он выделил первые четыре микрограмма заветного изотопа. Чисто химическими методами, без машинерии. Мастер использовал крайнюю летучесть тетроксид осмия, OsO_4 . (В данном случае была, конечно, четвероокись осмия-187). Окисел осмия газообразен и крайне опасен. Малейшее его попадание в глаза приводит к слепоте. Но именно летучесть тетроксид осмия позволила Мастеру окислить весь концентрат, и, подбирая температуру его нагрева, уловить окисленный осмий-187. После чего его нужно было только освободить от кислорода и получить чистый изотоп.

– Можно считать, это «детская химия», хотя ее очень долго не могли повторить в Институте геохимии РАН имени Вернадского, где этим занималась Галина Варшал, – рассказывает Мастер. – Мы же получали из оксид осмия сначала осмат натрия, потом (с помощью серной кислоты) – в сульфид осмия, а потом с помощью водорода «выхватывали» оттуда серу и получали чистый осмий-187. Здесь целая цепочка изящных решений. Но это – тривиальная химия, никаких открытий...

В общем, Мастер наш разработал целый технологический цикл извлечения осмия-187 из рений-содержащей руды. Он получил отечественные патенты (№ 2039104 от 10 июля 1995 г., № 2061769 от 10 июня 1996 г.) в результате этих трудов.

Получив первые образцы осмия-187, Мастер отправил их в Данию, в лабораторию «Riso». 23 июня 1993 года она дала заключение: в присланной ампуле содержится 99,28 % осмия-187. Все остальное – незначительные примеси никеля, кобальта, меди, галлия, серебра и т. д. (Например, самая большая примесь – это 0,025 % никеля). В принципе, это уже можно было считать победой: Петрик оставил далеко позади Окридж. Но Мастер остается недоволен: явно произошла ошибка измерения. Осмий должен быть практически чистым.

В тот момент мэром города Анатолий Собчак, увидев датский сертификат, дал Мастеру карт-бланш. Тот за свой счет пригнал из Казахстана 80 тонн рениевого концентрата. Благо, Мастер всегда был еще и бизнесменом, свои деньги у него водились, и связи это сделать позволяли. А дальше началась работа в собственной, подвальной лаборатории Мастера. Извлекался только осмий-187 – с его характерным запахом гнилого чеснока. Все остальное шло в жидкие отходы, которые собирали, вывозили за город и сливали возле большой мусорной свалки.

– Знал бы, что меня ждет дальше, делал бы и металлический рений. Он стоил 197 тысяч долларов за кило, – невесело усмехается Мастер.

Конечно, были переработаны лишь несколько тонн концентрата, а не все восемьдесят. Времена были лихие – остальное у В. Петрика просто отобрали некоторые ушло-авторитетные товарищи, в том числе и из Дагестана. Но это так, к слову.

В чисто научном плане Мастеру удалось одержать полную победу. Забегая вперед, скажем: 30 ноября 1998 года немецкий Институт Фрезениуса в лице доктора А. Брокманна, проводя анализ 45,96 г. осмия-187 в двух ампулах, выдал заключение: чистота изотопа – 99,58 %. А это – уже «космическая» чистота, достигнутая без применения центрифуг или электромагнитной сепарации. Но Петрик настаивал: это ошибка! Немцы оказались потрясенными. Брокманн попросил прислать на анализ еще одну партию. В октябре 1995 года он получает на анализ еще 11 граммов порошка. Его анализ показывает чистоту в 99,4 %.

– Всего мне удалось наработать около ста пятидесяти граммов изотопа. Часть из них разослали на анализ за границу, восемь граммов мы передали в мэрию, часть мы же использовали в мишенях для исследований и в некоторых разработках впоследствии, – рассказывает Мастер, когда мы вместе листаем документы из Германии и Дании.

Видю, что Мастер всегда осторожничал: осмий на анализ за границу отправлялся не от него лично и не от его фирмы, а от шведской и германской компаний, от одного из совместных предприятий из Москвы.

А вот и, можно сказать, исторические документы. Накладная на принятие восьми граммов осмия-187 мэрией Санкт-Петербурга (в лице заместителя Собчака Савенкова Л. М.) от фирмы «Инкорпорация 4Т». Дата – 28 сентября 1993 года. Да, бурное было времечко – РФ стояла на грани гражданской войны, Чубайс раздавал собственность за гроши, Верховный совет в Москве уже был взят в кольцо верных Ельцину сил. А рубль, еще в начале 1992 года шедший по сотне за доллар, к осени 1993-го упал уже до уровня в пятьсот за один «зеленый».

Крах «треста»

Но мечтам питерской мэрии о превращении города в мировой центр экспорта осмия-187 не суждено оказалось сбыться.

В сентябре 1993 года органы госбезопасности (Федеральная служба контрразведки, предшественница ФСБ), долго разрабатывавшая заместителя Собчака, Льва Савенкова, на границе с Финляндией ловит друга Савенкова, бизнесмена по экспортно-импортным операциям Александра Матвеева. Тот на своей «Ниве» везет ампулу с тем самым осмием-187, спрятав ее в автомобильной аптечке. По просьбе Савенкова Матвеев должен доставить ампулу в Германию. При этом он знает, что операция, прямо скажем, незаконна, никакого разрешения на вывоз изотопа нет. При досмотре на таможне Матвеев ничего об осмии не говорит. Однако госбезопасность, контролируя таможенников, заставляет их провести дотошный досмотр автомашины. ФСБ давно слушала телефонные переговоры вице-мэра Савенкова и знала, что Матвеев пытается скрытно провезти через границу нечто небольшое. Не наркотики ли? Нужно выяснить. Тем более, что госбезопасность по заказу ельцинского окружения уже вовсю копает под мэра-либерала Собчака, окружившего себя сомнительными личностями. Да и Петербург при нем иначе, как «бандитским», не называют. И вот у Матвеева находят таинственную ампулу со странным порошком. Следствие очень быстро выясняет, что ее просил вывезти за границу заместитель Собчака Лев Савенков. Анализ, проведенный в московском Гиредмете, показывает: порошок – это очень чистый осмий-187...

Позднее телекомпания «НТВ» с помощью ФСБ снимет фильм из серии «Криминальные хроники» под названием «Гангстеры и филантропы». Из него мы узнаем, что контрразведка давно «пасла» вице-мэра Савенкова, считая его организатором контрабанды через питерский порт и фигурой, связанной с городскими преступными сообществами. Инцидент с осмием-187 на границе становится подарком для госбезопасности. Л. Савенков попадает под следствие,

его судят и в 1997 году дают пять лет с конфискацией имущества. На следствии Савенков утверждал, что сам финансировал работы по осмию, за счет чего хотел получить для города 12–13 миллиардов долларов.

По горячим следам скандала Владимир Путин (глава питерского Комитета по внешней торговле) 17 марта 1994 года дал интервью газете «Вечерний Петербург», где заявил: «Изобретения, созданные в ходе этих работ запатентованы, т. е. защищены законом. Я встречался с изобретателем (по понятным причинам не называю его имени), обсуждал с ним все возникшие трудности. Ученый готов реализовать свои открытия, в рамках того акционерного общества, которое первоначально предлагал создать Савенков».

С того момента звезда мэра Собчака начинает неумолимо закатываться, его имя становится буквально нарицательным, с ним связывают разгул коррупции, бандитизма и экономического хаоса. Собчак проигрывает выборы мэра в 1996 году, против него в 1997-м начинают уголовное дело по фактам злоупотреблений в мэрии, видный демократ фактически укрывается во Франции. Вернется он в РФ только в 2000-м, когда в Кремле появится новый президент, еще с приставкой «и.о.», бывший подчиненный Собчака. И как-то уж очень странно он умрет 14 февраля 2000 года, будучи доверенным лицом В. Путина на президентских выборах весны 2000-го. Так что, можно сказать, что скандал с осмием послужил неким спусковым крючком, начавшим процесс падения Анатолия Собчака.

Но это будет потом. А в конце 1993 и начале 1994 годов все большие планы осмиевого экспорта рухнули. Никакого акционерного общества не вышло, а Мастер, потратив на затею кучу собственных средств и не получив от властей Петербурга ни копейки, стал автором замечательной технологии. Он ее даже запатентовал.

И – попал под следствие.

Воронья слободка

Теперь откроем карты, читатель. Раскроем инкогнито Мастера. Он – не кто иной, как Виктор Иванович Петрик. Собственной персоной.

Да-да. Тот самый. Пугало для всей «прогрессивной общественности». Архишарлатан и «лжеученый номер один», преследуемый Комиссией по лженауке РАН и всей демократической прессой. Автор аферы с установкой за государственный счет его, как любят выражаться наши представители «креативного класса», «говнофильтров» по всей России. Аферист, который, как мне рассказывали, собирался дурачить нас, с помощью своих фильтров якобы очищая жидкие радиоактивные отходы. Господи, ну кто же не знает, что этого не может сделать ни один фильтр на свете?

Так думал и я. Пока не познакомился с работами Виктора Петрика напрямую, в его частном институте. И теперь с полным правом называю его Мастером.

Ну, а ныне, когда карты раскрыты, я продолжу ту давнюю историю...

Петрик попал под следствие. Ведь уже тогда никто не верил, что именно он смог получить такие объемы Os-187, да еще такой неслыханной чистоты. В те годы Российская Федерация успела превратиться в воронью слободку, где зависть и злая болтовня отравляют жизнь любого дельного и умного человека. Доходило до абсурда: Мастера, естественно, после перехвата заветной ампулы на финской границе тоже арестовали и таскали на допросы в местную контрразведку по поводу осмия. Начальник следственного отдела ФСБ по Петербургу спрашивал:

- Откуда вы взяли этот сверхчистый осмий-187, гражданин Петрик?
- Сам получил, – отвечал Мастер и тут же видел округлившиеся глаза:
- Но ученые уверяют нас, что это невозможно!

То бишь дело велось по поводу попытки вывоза за границу изотопа, который получить... якобы нельзя.

«...От Петрика требовали признания – где, при каких обстоятельствах и когда он получил этот материал. Начальник следственного отдела ФСБ В. И. Оксаков, допрашивая хорошо знакомого ему еще с юношеских лет В. Петрика, находился в крайне затруднительном положении – академики высочайшего ранга и всех мастей продолжали утверждать, что никакого OS-187 чистотой 99,4 не существует и не может существовать в принципе, при этом на столе генерала лежало заключение от ОАО «Гиредмет», подписанное академиком РАН Карповым – анализы показали, что 8 грамм арестованного осмия-187 имеют изотопную чистоту 99,68 %. Академической средой немедленно была запущена спасительная для них новая версия – данный продукт имеет неземное происхождение, а Петрик каким-то образом нашел метеорит, отщипывает от него по кусочку и морочит уважаемым ученым и правительству головы. Генерал ФСБ В. Оксаков продолжал требовать признания. По предложению Петрика силами ФСБ была создана специальная комиссия, в присутствии которой, в личной лаборатории, В. Петрик произвел из шламов Джезказганского месторождения триста миллиграмм Осмия 187. Лишь после этого его освободили», – пишет профессор Морского технического университета А. Бондаренко (<http://www.solovei.info/science/22-hi-tech/4861-v-zashchiturossijskogo-geniya-viktora-petrika.html>).

Сам Мастер вспоминает, что Оксаков, хорошо знакомый ему по прошлым годам, пробовал брать «на крик», «тыкал», пресекал всякую «фамильярность». Когда Оксаков вконец надоел своими вопросами «Где взял?», Петрик заявил: да никакой это не осмий, а простой цемент. «Какой цемент!» – едва не взвился под потолок генерал. – «Вот заключение Гиредмета, что это осмий-187!».

– Вижу, что он угодил в переплет, – рассказывает Виктор Иванович. – С одной стороны, на него давят «хозяева»: раскручивай дело, выясняй, откуда этот уголовник взял изотоп осмия. С другой стороны, у Оксакова лежат письменные мнения «авторитетных специалистов» о том, что получить его невозможно. Тогда я ему подсказываю выход: Валера, мол, организуй проверку моей лаборатории силами ваших ведомственных ученых. У вас же есть бывший НИИ КГБ, а ныне – Институт криминалистики? Давай я им покажу, что делал в своей подвальной лаборатории....

Оксаков с радостью схватился за предложение. К Виктору Ивановичу приехало четырнадцать специалистов. Они воочию убедились в том, что получить осмий-187 возможно.

– Вы тогда завязали крепкие отношения с Институтом криминалистики ФСБ? – спрашиваю у своего визави после некоторой паузы. – Это же бывший НИИ КГБ СССР. То и дело вижу его участие в экспертизах ваших проектов. Если не секрет, почему? Неужели он так авторитетен, как и исследовательские структуры Академии наук?

– Да, с осмия-187 это знакомство и началось, – отвечает Мастер. – Институт криминалистики на сегодня оснащен гораздо лучше, чем большинство академических институтов. Вы в них давно бывали? Побывайте. Там же – разруха и запустение. Старое оборудование, сотрудники – в возрасте. И полным-полно спиртного в кабинетах. Вы даже не представляете себе, насколько все плохо. Потому только радуюсь участию бывшего НИИ КГБ, очень ценю его заключения.

Когда специалисты НИИ криминалистики приехали ко мне, подследственному, в лабораторию и открыли свои чемоданчики, я просто офигел. Оборудование – новейшее. Мне бы такое! Оно и понятно: спецслужба страны должна оперативно определять, с чем столкнулась страна в результате теракта, что было применено или ввезено на нашу территорию. Тогда ребята из Института криминалистики проследили все стадии процесса, быстро определив: вот здесь, в пробирке – осьмат натрия. Я им говорю: «Это соединение натрия именно с осмием-187,

а не просто с осмием. А тут у меня – сульфид осмия. Они снова проверяют: да, так оно и есть. А я продолжаю: «А вот тут, ребята, пойдет водород». Точно.

В общем, провел весь процесс прямо на их глазах. Получил осмий-187. Ученые контрразведчики забрали пробирки с собой. А меня вечером снова отвезли в камеру. Уж не знаю, на каком самолете летели сотрудники Института криминалистики, но меня отпустили на волю уже в девять вечера того же дня. То есть они убедились в том, что осмий-187 Петрик нигде не крал, а получил его сам. Так, как говорил...

Но, несмотря на все это, до сих пор находятся придурки и даже академики РАН, которые продолжают твердить: все-таки Петрик где-то «скоммуниздил» этот осмий. Но вот незадача: чистота осмия-187 Мастера при этом выше, чем у американцев из Окриджа. Неужели летающую тарелку пришельцев обчистил?

Пробовали было твердить, будто никакого осмия-187 вообще не было. Однако за что тогда угодил под суд вице-мэр Савенков? И почему тогда при попытке пересечения финской границы задержали ту самую партию осмия-187 высокой чистоты? Ведь она же не приснилась!

Но такого абсурда в постсоветской жизни теперь полным-полно. Попролам с воинствующим невежеством. И по сию пору можно слышать, что никакого осмия-187 Мастер не получал, что он его где-то украл. Были придурки, что верещали о том, что из сто восемьдесят седьмого вообще можно атомную бомбу изготовить. Но в основном галдеж идет по поводу того, что, мол, Петрик никак не мог добыть такое количество изотопа в своей лаборатории. Ну, каким образом он мог это сделать, не имея центрифуг?

Успел «отличиться» даже академик РАН Евгений Александров, нынешний член Комиссии по лженауке. В 2003 году академик Александров писал питерскому журналисту Шевелеву:

«...Пересылаю для сведения письмо моего двоюродного брата Петра, директора одного из кусков Курчатовского института, которого я попросил поговорить со специалистами по разделению изотопов (более компетентного места на Земле просто нет). Он, по существу, подтвердил все мои предположения. Вот его письмо:

Истории с осмием-187 уже около 10 лет. Тогда вдруг появился спрос, и большой (килограммы), на никому до того не нужный изотоп. Минфин заказал небольшую работу Курчатовскому институту, чтобы с научной точки зрения разобраться в потребности. Оказалось, что никакой объяснимой потребности нет, есть очень туманная перспектива создания гамма-лазера, но никто этим всерьез не занимается. На самом деле ни одна серьезная покупка не дошла до конца, все оканчивалось разговорами с перекупщиками. Я слышал о получении осмия-187 из отвалов на горнохимическом комбинате в Красноярске, но абсолютно в это не верю. Мнение наших специалистов по изотопам – это такая же афера, как и «красная ртуть», для отмывания денег. Один мой знакомый – председатель экспертного совета Федерального собрания Ю. Н. Живлюк дважды участвовал в высоких комиссиях по осмию-187, где были проанализированы все возможности его использования, и было определено, что это ТУФТА»...

Немного спустя тот же академик Е. Александров заявлял: «Рассказ о выделении за «короткое время» почти килограмма осмия-187 – это вымысел. Во-первых, это огромная задача для целой отрасли...»

Все-таки осмий тогда сослужил хорошую службу. Онный изотоп, используемый как отличная метка для ценных бумаг и денежных знаков, тогда высветил самое плачевное состояние, в которое попала отечественная наука. Он показал, что стоят сейчас звания академиков. Просто удивительно, какое невежество подчас кроется за академическими званиями! Виктор Иванович никогда не скрывал того, каким образом получил тот самый изотоп – чисто химическим. К тому времени, как академик Е. Александров делал безапелляционные заявления в стиле «Такого быть не может, потому что не может быть никогда!», та же самая российская Академия наук вот уже восемь лет, как подтвердила факт получения Мастером сверхчистого осмия-187.

Ибо еще в марте 1995 года, отвечая на запрос спикера Государственной Думы Ивана Рыбкина, президент РАН Юрий Осипов написал: «В ответ на Ваш запрос от 11.03.95 г. сообщая:... Физическим институтом им. П. Н. Лебедева (ФИАН) РАН проведен анализ предоставленного В. И. Петриком образца изотопа осмия-187 в Аналитическом центре Гиредмета. Содержание изотопа осмия-187 составило более 99 %...»

А дело было так. Осипов, получив в 1995-м письмо-запрос Рыбкина, переправил его в Курчатовский институт. Виктор Иванович лично встретился с его директором, Олегом Крохиным. Именно последний настоял на том, что технология химического получения осмия-187 должна пройти экспертизу в Институте геохимии Земли им. Вернадского. Крохин предложил: повторите процесс получения осмия-187 прилюдно.

Доктор химических наук Галина Моисеевна Варшал, выслушав короткий доклад Виктора Ивановича и посмотрев на те эксперименты, что он провел в присутствии всех приглашенных, дала сугубо положительное заключение. И ведь все делалось в присутствии людей из Управления экономической контрразведки ФСБ (Алексей Пушкаренко), из существовавшей тогда Службы безопасности президента (присутствовал заместитель всесильного Коржакова, Борис Литуненко), из тогдашней Государственной технической комиссии при президенте РФ, от Курчатовского института РАН. Одних «курчатовцев» набилось в большой кабинет два десятка.

Виктор Петрик тогда подошел к доске, взял в руки мел – и принялся чертить формулы процесса. Галина Варшал, несколько раз одобрительно воскликнув, спросила: «Только объясните мне, зачем вы вот в этом месте возвращаете реакцию в голову». «Галина Моисеевна, в этом же самый смак!» – рассмеялся Мастер.

Тогда Варшал увлекла его в свою лабораторию. Переступив ее порог, В. Петрик снова захохотал. По набору реактивов и пробирок он понял, что в Институте геохимии прочли его патент и пытались воспроизвести технологию, так же получив осмий-187. Но, поскольку Мастер, как человек неглупый, в патенте указал не все, геохимики потерпели неудачу. Галина Моисеевна потому и спросила о необычном «выверте» реакции. И, будучи человеком весьма неравнодушным и порядочным, составила затем очень хорошее письмо, признав достижения Виктора Ивановича. Именно потому директор «Курчатника» Олег Николаевич Крохин весной 1995 года дал заключение главе Академии наук Ю. Осипову: да, это очень чистый осмий-187. И это должно было стать триумфом изобретателя.

Но только не для «борца со лженаукой» академика Александрова! С 1995 года прошло восемь лет – а он продолжал твердить, будто Мастер никакого осмия-187 получить не мог. То есть академик Евгений Александров показал глубину собственной «компетентности». Да, хорош «борец со лженаукой», ничего не скажешь! Вы думаете, сей ученый муж извинился перед Мастером, когда Петрик напомнил историю 1995 года и уличил Александрова в элементарном незнании химии? Как бы не так! Он просто сменил пластинку и принялся вещать о том, что этот осмий-187 никому и даром не нужен. И опять попал впросак. Он заявил, что если бы онный изотоп был бы так необходим развитому Западу, то его бы американцы в Окридже насобачили бы «газодиффузионным методом». Александров не знал, что осмий-187, причем куда хуже качеством, получается в Окридже электромагнитной сепарацией, а не газодиффузией. И снова Мастер ткнул Александрова, как щенка, носом в собственную лужу. Того, что самоучка Петрик опозорил его на весь белый свет, Александров ему никогда не простит. Именно он потом, с осени 2009 года, станет одним из главных «разоблачителей шарлатана».

Знаете, что я отчетливо вижу? То, что многочисленная серость, наводнившая нашу науку еще в советские времена (когда каждый четвертый ученый мира числился в СССР), смертельно ненавидит тех, кто показывает ее никчемность. Десятилетиями серость просиживает штаны в исследовательских институтах, тратит народные средства, пишет горы никому подчас не нужных статей и диссертаций, награждает друг друга высокими званиями и научными титулами – но не дает стране ничего прорывного, оригинального. Ничего из того, что могло

бы решить самые насущные и конкретные проблемы. Никакого творческого мышления у серости со званиями и регалиями нет, есть только умственное бесплодие с импотенцией пополам. Да еще огромное желание и дальше годами сидеть в своих кабинетах, урывая себе куски бюджетного пирога, ни за что не отвечая и отговариваясь тем, что она, мол, служит чистой науке. Серость ходит только привычными путями и поиски ее всегда «под фонарем». Проявить сметку и находчивость для этой братии – задача неподъемная. Они только и могут, что копировать «передовые страны». Образно говоря, серость будет десятилетиями затаскивать корову на соломенную крышу вместо того, чтобы сбросить соломки вниз. Они потребуют для коровы все новые и новые лебедки или домкраты, погрузчики и грузовые стрелы. Особенно если на Западе так делают. Но найти остроумный нетривиальный выход серость не способна.

Но зато глупые бездарности дружной стаей набрасываются на тех, кто умеет придумывать нечто прорывное, на предприимчивых и сметливых. И уж тут сия «воронья слободка» не стесняется в средствах. Тут вам и оскорбления, и ложь, и клевета идут в ход. Ибо главное – уничтожить того смельчака, что обнажает перед миром суть сией научной серости. Разве случайно то, что в сталинские годы Академия наук занималась прикладными проблемами? Правильно – потому что государство требовало от нее реальной отдачи. Как только Сталин ушел, Академия шаг за шагом стала отказываться от прикладных задач, от реальной инноватики. А сегодня, как в 2012-м заявил академик РАН Владимир Фортов, «...в России произошло следующее: секцию прикладных проблем, которая выполняла крайне важную функцию связи между оборонной наукой и фундаментальной наукой, оставили почти без денег...»

Превратив саму себя в «храм чистой науки» и отстранившись от реальной жизни, требуя только больших денег и не желая замечать собственных недостатков, РАН подписывает себе смертный приговор и сама провоцирует затопление себя серой слизью. Да ведь не только в ВПК нужно решать прикладные задачи – а везде!

Но серость, привыкшая годами есть бюджетные деньги и ни за что не отвечать, этого не желает категорически. Ей плевать на то, что прикладная наука в стране разрушена. Главное ведь – сохранить столь милый ей порядок вещей. Чтобы и дальше дипломы и звания заменяли реальные дела и свершения.

Отличительная черта некоторых «научных мужей» – негативная психология. Обожествление слова «невозможно». Хотя сами-то создатели науки современного типа несколько веков тому назад как раз и объявили войну самому слову «невозможно»! Они искали и дерзали. А тут академик Александров, как-то назвав себя большим специалистом по разделению изотопов, глаголет: ну не мог Мастер получить осмий без центрифуг – и все тут. Ни малейшей попытки разобраться: как это могло получиться у другого? Не может того быть – и точка! Да, далеко же двинут науку сии александровы, ничего не скажешь.

Можно ли оспорить публичное доказательство существования технологии Петрика в Курчатовском институте в 1995 году? Но это не помешало горе-академику Александрову восемь лет спустя публично назвать Виктора Петрика аферистом! Так кто же здесь выступает в роли лжеученого? Самоучка Петрик – или остепененный академик, не знающий химии и отрицающий бесспорные факты?

Ну, а когда сей борец со лженаукой понял, что оказался в шутовском колпаке, то завел иные речи. С 2005 года Александров, словно забыв свои прошлые обвинения, заговорил, что, конечно, осмий-187 можно получить химическим путем, но ничего уникального тут, оказывается, нет. Мол, Os-187 можно получать из любого источника, где есть рений:

«Металл платиновой группы осмий и сам имеет высокую цену, однако наличие в ренийевых рудах чистого редкого (1,6 % в естественной смеси!) изотопа ^{187}Os совершенно очаровало Петрика – ввиду очень высокой цены на этот изотоп в каталоге лаборатории Ок-Ридж, порядка 200 долларов за 1 миллиграмм. Насчет единственного на Земле источника сказано для красного словца – рений имеется повсеместно».

– Глупость этого заявления поразительна – все с точностью до наоборот: Os-187 выступает результатом бета-распада Re-187 и может находиться в чистом виде только в том случае, если в данных рудах отсутствует природный осмий. По этому признаку джезказганское месторождение – единственная на Земле аномалия. В этом – и самая суть моей догадки, – смеется Виктор Иванович.

О пустоцветах и трутнях

Мы с Мастером сидели и беседовали об этом почти двадцать лет спустя после тех событий. За окном мела метель февраля 2013-го.

– Вы пишете, Максим, о необходимости прорыва в новый мир, о важности ставки на науку, – говорил он мне тогда. – Наука – действительно показатель зрелости общества. Но вы даже не представляете, во что превратилась наша наука. Это просто чудовищный клубок проблем и комплексов, Авгиевы конюшни. Вы думаете, что-то изменилось с той поры? Если и поменялось, то лишь в худшую сторону. Уже в истории с осмием-187 все плачевное состояние нашей науки видно, как в капле воды. Видно, чего стоят иные из академиков РАН. И глупость, и тщеславие, и невежество степенных ученых – все здесь, в этой одной-единственной истории. В ней есть даже шизофрения самой Академии наук: когда одна ее часть ведать не ведает о том, что делает другая. Когда то, что успешно проходит экспертизу в одних структурах Академии сегодня, завтра объявляется аферой в академической же Комиссии по лженауке! Это – типичное раздвоение сознания, психиатрический случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.